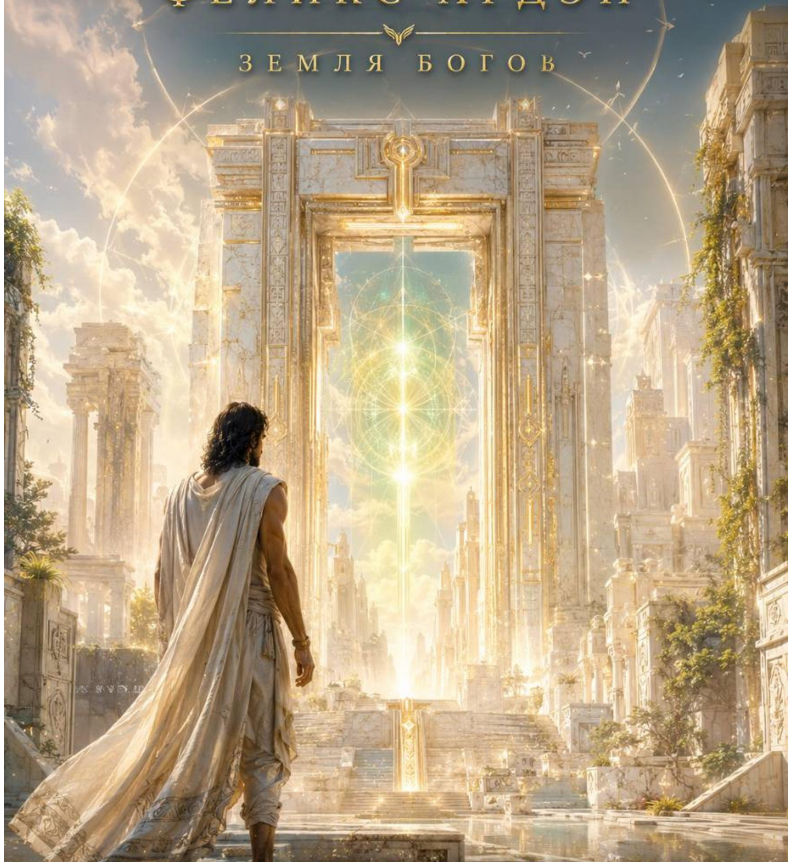

ФЕЛИКС АРДЭН

ЗЕМЛЯ БОГОВ

АРХИТЕКТОР
РЕАЛЬНОСТИ

Феликс Ардэн

Архитектор реальности

<https://litres.ru/74268743>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девяносто один год прошёл после Великой воды. Прежняя цивилизация исчезла, знания распались на обрывки, а люди среди затопленных руин учатся жить заново.

Натхор приходит в земли будущего Египта не как царь и не как бог. Он хранит память о древней системе, способной вернуть воду, порядок и могущество. Но именно такая сила однажды уже привела мир к катастрофе.

Пока вокруг руин рождается новое общество, хранители Севера, Запада, Юга и Востока собирают уцелевшие ключи. Осир становится голосом за границей смерти. Сетех отстаивает свободу Красной земли. А Натхору предстоит сделать выбор, от которого зависит будущее людей: восстановить совершенный порядок или сохранить их право ошибаться, спорить и выбирать самим.

«Архитектор реальности» — философский историко-фантастический роман о рождении мифов Древнего Египта, цене власти и мире, который можно спасти, только отказавшись владеть его будущим.

Первая книга цикла Феликса Ардэна «Земля Богов».

Содержание

Пролог. Девяносто первый восход	4
Глава первая. Когда отступила вода	39
Глава вторая. Первое правило	67
Глава третья. Чёрная земля	104
Глава четвёртая. Голос звезды	161
Конец ознакомительного фрагмента.	223

Феликс Ардэн

Архитектор реальности

Пролог. Девяносто первый восход

В девяносто первый раз Сопдет поднялась не там, где её ждали.

Старик заметил это раньше ученика.

Он сидел на плоском камне у края затопленной долины и держал между пальцами тонкую нить с привязанным к ней грузом. Нить давно перестала быть белой. Её много раз связывали, сушили над огнём, пропитывали маслом и снова растягивали между двумя каменными столбами.

Когда-то таких нитей были сотни.

Их натягивали в домах неба, на вершинах башен, вдоль берегов и на площадках, с которых наблюдали движение звёзд.

Теперь осталась одна.

Ученик стоял позади и пытался не зевать.

Он был слишком молод, чтобы понимать, почему старик каждый год заставлял его подниматься до рассвета на мёртвую площадку.

Сопдет всё равно появлялась.

Вода всё равно стояла в долине.

Камни всё равно молчали.

Но старик приходил.

Он укладывал нить по старой борозде, ставил груз, проверял ветер и ждал первой звезды.

Так делал его учитель.

Так делал учитель его учителя.

Дальше имена терялись.

Старик знал только, что прежде люди считали не девяносто один восход.

Они считали тысячи.

— Она опять сместилась, — сказал он.

Ученик поднял голову.

Небо было ещё почти чёрным.

Сопдет мерцала над восточным краем, ярче остальных звёзд.

Куда?

Левее старой линии.

Как в прошлом году?

Больше.

Ученик подошёл ближе.

На камне находились две царапины.

Одна была глубокой, выбитой неизвестным инструментом ещё до Великой воды.

Другая состояла из коротких меток, которые старик добавлял каждый год.

Между ними оставалось пространство шириной с два

пальца.

— Может, столб сдвинулся? — спросил ученик.

Оба?

Земля мягкая.

Под нами древний камень.

Камень тоже может двигаться.

Старик посмотрел на него.

Может.

Ученик ожидал упрёка.

Не получил.

Тогда почему ты говоришь, что звезда сместилась?

Потому что так говорил мой учитель.

А его учитель?

Тоже.

Значит, вы повторяете.

Да.

Не проверяя?

Старик указал на нить.

Проверяя тем, что осталось.

Ученик присел возле древней борозды.

А если двигается не звезда?

Старик долго молчал.

Ветер шёл со стороны затопленной долины. Пахло солью, сырой глиной и растениями, которым не полагалось расти в этой воде.

— Тогда движется то, на чём мы стоим, — ответил он.

Ученик засмеялся.

Не потому, что было смешно.

Потому что мысль показалась слишком большой.

Земля?

Возможно.

Куда?

Не знаю.

Почему мы не падаем?

Иногда падаем.

Старик посмотрел вниз.

Под ними лежала долина, которую его народ называл Низкой чашей.

В старых знаках у неё было другое имя.

Он не умел его произносить.

Большая часть чаши находилась под водой.

Из тёмной поверхности выступали вершины стен.

Круглые башни.

Обломки мостов.

Белые каменные ребра неизвестных сооружений.

Когда ветер стихал, в глубине можно было увидеть прямые улицы.

Они уходили под воду и исчезали.

Старик никогда не видел город живым.

Его мать тоже.

Дед видел только верхушки домов сразу после Великой воды.

О том, что происходило раньше, рассказывала прабабка.

По словам семьи, она была маленькой девочкой, когда небо стало красным и море пришло туда, где моря прежде не было.

Она прожила долго.

Дольше большинства.

К концу жизни почти не говорила.

Но каждый раз, когда кто-то называл затопленные башни жилищем богов, она сердилась.

Люди, говорила она. Там жили люди.

Ей не верили.

Потому что люди не могли строить дома выше скал.

Не могли заставлять камень светиться.

Не могли говорить друг с другом через горы.

Не могли менять русла рек.

Значит, это делали боги.

Так было проще.

Сопдет поднялась выше.

Старик приложил ладонь к камню.

Он был холодным.

Ни одного отклика.

— Пойдём, — сказал ученик. — Сегодня люди будут делить рыбу.

Пусть делят.

Мать сказала вернуться до восхода.

Солнце ещё не поднялось.

Ты каждый раз так говоришь.

Старик начал собирать нить.

Остановился.

Внизу, у дальнего края воды, что-то изменилось.

Сначала он решил, что это ветер.

Поверхность дрогнула.

Потом между двумя выступавшими стенами показалась
тёмная полоса.

Там, где вчера была вода.

Старик встал.

— Что? — спросил ученик.

Он не ответил.

Спустился по каменным ступеням.

Ученик побежал следом.

Некоторые ступени разрушились ещё до рождения старика. Они обходили трещины, перелезали через упавший столб, потом шли по узкому выступу над водой.

Тёмная полоса становилась шире.

На вертикальной стене остался мокрый след.

Уровень воды снизился на половину ладони.

— Она уходит, — сказал ученик.

Ветер.

Ветер дует к нам.

Старик коснулся мокрого камня.

Вода действительно отступила.

Не волной.

Не на несколько мгновений.

Медленно и равномерно.

Он посмотрел на середину чаши.

Там показалась вершина сооружения, которого не было видно много лет.

Чёрный камень.

Гладкий.

Срезанный под углом.

— Ты видел его раньше? — спросил ученик.

Нет.

Что это?

Старик уже знал.

Не по собственным воспоминаниям.

По табличке, которую ему передал учитель.

На ней был изображён наклонный чёрный вход, окружённый четырьмя линиями.

Учитель называл его Домом наблюдения.

Его учитель говорил иначе:

Малым глазом.

Ещё раньше, если верить сохранившимся знакам, это место называлось узлом внешнего контроля.

Никто не понимал, что означали эти слова.

— Вход, — ответил старик.

Куда?

Вниз.

Ученик посмотрел на воду.

Мы не полезем.

Полезем.

Почему?

Потому что он открылся.

Вода отступала и раньше.

Не здесь.

Ты говорил, что после Великой воды она уходила много лет.

Говорил мой учитель.

Значит, ты не видел.

Не видел.

Ученик посмотрел на чёрный камень.

Может, не надо?

Старик не ответил.

Он уже спускался.

К воде вела старая лестница.

Нижние ступени были покрыты зелёной слизью. При каждом шаге старик проверял камень посохом.

Ученик шёл за ним, продолжая возражать.

Там могут быть утопленники.

Через девяносто лет?

Мёртвые не считают годы.

Это говорят в Доме Запада.

А ты не веришь?

Верю, что мёртвые существуют.

Тогда почему они не могут быть здесь?

Могут.

И мы всё равно идём?

Да.

Это глупо.

Возможно.

Они дошли до чёрного входа.

Вода ещё стояла внутри, но уже ниже порога.

На гладком камне находился знак.

Круг.

Четыре расходящиеся линии.

И пустое место в центре.

Старик очистил его от грязи.

Под пальцами что-то дрогнуло.

Не камень.

Слабый свет.

Ученик отступил.

Не трогай!

Знак вспыхнул снова.

Белым.

Потом зелёным.

Красным.

Синим.

Цвета сменяли друг друга, пока не остался тусклый серый свет.

Из глубины пришёл звук.

Не голос.

Сначала треск.

Потом несколько коротких ударов.

Ученик схватил старика за одежду.

Это бог?

Нет.

Откуда знаешь?

Не знаю.

Тогда почему говоришь?

Старик снял с шеи маленькую глиняную пластину.

На ней были процарапаны три древних знака.

Он приложил её к кругу.

Свет стал ярче.

Звук повторился.

На этот раз внутри него различались слова.

Не на языке, которым говорили в поселении.

На старом языке хранителей.

Старик знал отдельные команды.

Не их полный смысл.

Доступ.

Наблюдение.

Уровень.

Повреждение.

Повторить.

Он произнёс первое слово.

Ничего.

Второе.

Свет дрогнул.

Третье.

Из глубины ответил голос.

ПОВТОРИТЕ ИДЕНТИФИКАЦИЮ.

Ученик упал на колени.

Старик едва удержался на ногах.

Голос не был громким.

Но шёл со всех сторон.

Из стен.

Из воды.

Из чёрного входа.

— Что он сказал? — прошептал ученик.

Просит назвать нас.

Назови.

Старик молчал.

Старый язык не имел слова для имени в том смысле, в каком его использовало поселение.

Идентификация означала больше.

Род.

Должность.

Доступ.

Право.

То, что человек мог открыть.

Его учитель предупреждал:

никогда не называй системе себя тем, кем не являешься.

— Хранитель внешнего знака, — произнёс старик на ста-

ром языке.

Система ответила:

— ДОПУСК НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.

Последняя линия наблюдения.

ДОПУСК НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.

Старик посмотрел на глиняную пластину.

Она была копией копии.

Настоящий ключ исчез задолго до его рождения.

— Потомок хранителей, — сказал он уже на обычном языке. — Я не имею доступа. Прошу показать состояние.

Долгое молчание.

Ученик спросил:

— Он понял?

Чёрный вход открылся.

Не полностью.

Каменная плита сдвинулась на ширину плеч.

Изнутри вышел воздух.

Холодный.

Сухой.

Не пахнувший водой.

Старик поднял светильник.

Оставайся.

Нет.

Ты хотел уйти.

Теперь не хочу.

Почему?

Потому что ты можешь сказать, что видел то, чего не было.

Старик посмотрел на него.

Хорошая причина.

Они вошли.

За входом находился узкий коридор.

Вода покрывала пол до щиколоток.

Стены были гладкими.

Без рисунков.

Без имён.

Через несколько шагов светильник стал не нужен.

Под камнем зажглись тонкие линии.

Одна за другой.

Некоторые мигнули и погасли.

Другие продолжали светиться.

Ученик коснулся стены.

Она тёплая.

Не трогай больше.

Почему?

Не знаю.

Ты часто это говоришь.

Учись.

Коридор привёл их в круглое помещение.

В центре стояла низкая чёрная колонна.

Вокруг неё располагались четыре каменных места.

Северное было покрыто белой пылью.

Западное расколото.

Южное залито красноватой водой.

Восточное заросло тонкими корнями.

Пятое место находилось в центре.

Пустое.

Ученик прошептал:

— Четыре земли.

Возможно.

Север, Запад, Юг и Восток.

Так говорили хранители.

А центр?

Старик посмотрел на чёрную колонну.

Тот, кто связывал.

Бог?

Должность.

Какая?

Старик вспомнил знак на древней табличке.

Человеческая фигура внутри круга.

Над ней одно слово.

Архитектор.

Ученик повторил осторожно:

— Архитектор.

Колонна ожила.

Серый свет поднялся вверх.

В воздухе возникли линии.

Не рисунок.

Пространство.

Вода.

Земля.

Слабые точки.

Разорванные связи.

Старик видел подобное только на табличках.

Карта мира.

Не всего.

Того, что система ещё могла различать.

Посередине находилась долина.

Их затопленная чаша.

От неё расходились повреждённые линии.

К северу мерцали несколько белых огней.

На западе слабое синее поле.

К югу красные точки вдоль воды.

На востоке зелёный знак, который то появлялся, то исчезал.

Между ними лежали тёмные пространства.

Ученик поднял руку.

Там люди?

Не знаю.

Огни похожи на костры.

Возможно.

Система заговорила:

ВНЕШНИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ УЗЕЛ ВОССТА-
НОВЛЕН ЧАСТИЧНО.

ВРЕМЯ ПОСЛЕ ОСЕВОГО СОБЫТИЯ:
ДЕВЯНОСТО ОДИН ЦИКЛ СОПДЕТ.

Старик закрыл глаза.

Он считал правильно.

Не приблизительно.

Не по рассказам.

Девяносто один цикл.

Ученик смотрел непонимающе.

Что?

С момента, когда небо изменило положение, прошло девяносто один восход Сопдет.

Девяносто один год?

Да.

Но люди говорят, что четыре поколения.

И то и другое правда.

Как?

Годы считают не так, как роды.

Система продолжила:

— ПЛАНЕТАРНАЯ СЕТЬ ФРАГМЕНТИРОВАНА.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНТУР НЕДОСТУПЕН.

СЕВЕРНАЯ ОПОРА: СВЯЗЬ ПРЕРВАНА.

ЗАПАДНАЯ ОПОРА: СЛАБАЯ ОСТАТОЧНАЯ АКТИВНОСТЬ.

ЮЖНАЯ ОПОРА: АВТОНОМНЫЙ РЕЖИМ.

ВОСТОЧНАЯ ОПОРА: СОСТОЯНИЕ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

Старик повторял слова шёпотом.

Не для ученика.

Чтобы запомнить.

— Опоры живы? — спросил тот.

Некоторые.

Где хранители?

Старик указал на белые точки.

Возможно, там.

На синее поле.

Или там.

На красные линии.

И там.

Почему они не приходят?

Потому что пути исчезли.

Можно послать им сообщение.

Старик посмотрел на колонну.

Передать внешний сигнал известным опорам.

Система ответила:

— ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЁННЫЙ ДОСТУП.

— У нас его нет, — сказал старик.

Ученик подошёл к южному месту.

А если нажать?

Не трогай.

Он уже коснулся красного камня.

Вода вокруг их ног дрогнула.

Карта изменилась.

Южные линии вспыхнули.

В глубине долины что-то ответило низким гулом.

Ученик отдёргнул руку.

Система произнесла:

— НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ОБРАЩЕНИЕ.
ЛОКАЛЬНЫЙ НОСИТЕЛЬ НЕ РАСПОЗНАН.

Потом добавила:

— ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИНИЯ СОХРАНЕНА.

— Что это значит? — спросил ученик.

Старик не ответил.

На карте появлялись новые знаки.

Не города.

Группы людей.

Малые.

Разбросанные.

Одни двигались вдоль берегов.

Другие жили возле старых башен.

Третьи уходили от воды.

Система видела не всех.

Там, где не было действующих узлов, оставались серые пространства.

— Их больше, чем наше поселение, — сказал ученик.

Да.

Почему мы считали, что остались одни?

Потому что не видели других.

Значит, если мы не видим, это не значит, что их нет.

Старик посмотрел на него.

Запомни.

Карта приблизилась к северным точкам.

На мгновение появились люди в белой одежде.

Потом изображение исчезло.

Запад.

Несколько фигур стояли кругом.

Юг.

Люди возле каменных затворов.

Восток.

Тёмный лес.

Белое дерево без листьев.

Ученик прошептал:

— Хранители.

Или их потомки.

Они знают больше нас?

Возможно.

Тогда почему система не зовёт их?

Потому что связь разорвана.

Колонна издала новый звук.

На карте возник чёрный знак.

Не в одном из четырёх направлений.

Далеко за пределами долины.

Он был слабым.

Почти незаметным.

Но двигался.

Старик приблизился.

Что это?

Система ответила:

— АРХИТЕКТОР ОТСУТСТВУЕТ.

Ученик выдохнул.

Значит, знак не он.

Система продолжила:

— ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОСТУП ЗАКРЫТ.

ЛИНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОХРАНЕНА.

— Что такое линия ответственности? — спросил ученик.

Старик знал эти слова отдельно.

Вместе они значили нечто большее.

Ответственность могла быть долгом.

Правом отвечать.

Связью с решением прошлого.

Иногда в старых табличках так называли того, кто должен был вернуться к незавершённой работе.

— След человека, — сказал старик.

Как след на земле?

Нет.

Тогда какой?

Тот, по которому система может узнать, что человек связан с прежним решением.

Он виноват?

Не обязательно.

Тогда почему ответственность?

Потому что вина смотрит назад.

А ответственность?

Старик вспомнил слова учителя.

Остаётся, пока что-то не закончено.

Чёрный знак стал ярче.

Система произнесла:

— ЛИНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОШЛА В ОБЛАСТЬ
НАБЛЮДЕНИЯ.

Ученик отступил.

Кто-то идёт сюда?

Возможно.

Архитектор?

Система сказала, что его нет.

Может, ещё нет.

Старик посмотрел на движущийся знак.

Он не приближался прямо к долине.

Шёл вдоль воды.

Иногда исчезал.

Потом появлялся снова.

Почему система видит его?

Не знаю.

Может, это бог.

Нет.

Ты опять говоришь, не зная.

Потому что если мы назовём богом каждого, кого не понимаем, однажды забудем, что человек тоже может нести то,

чего мы не понимаем.

Ученик посмотрел на старика.

Это сказал твой учитель?

Нет.

Кто?

Я.

Система заговорила снова:

КРИТИЧЕСКОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ ГИДРОЛОГИЧЕСКОГО КОНТУРА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛОКАЛЬНОГО СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ВОДЫ.

ВЕРОЯТНОСТЬ ОТКРЫТИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РУИН ПОВЫШЕНА.

Старик подошёл к южному месту.

Не касался.

Почему вода уходит?

АВТОНОМНОЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ.

Кто приказал?

КОМАНДА ОТСУТСТВУЕТ.

Тогда почему?

Система задержалась.

КОНТУР ВЫПОЛНЯЕТ ПОСЛЕДнюю ПОДТВЕРЖДЁНную ЦЕЛЬ.

Какую?

СОХРАНИТЬ ДОСТУП К ЦЕНТРАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ.

Ученик улыбнулся.

Она открывает дорогу Архитектору.

Или тому, кого считает связанным с ним.

Это хорошо?

Старик смотрел на карту.

На затопленные руины.

На людей, которых система едва различала.

На четыре опоры, каждая из которых жила отдельно.

На чёрный знак линии ответственности.

Не знаю.

Ты не рад?

Древняя система проснулась.

Это плохо?

Она помогала прежнему миру.

Значит, хорошо.

И прежний мир погиб.

Из-за неё?

Не знаю.

Ученик нахмурился.

Тогда что мы должны делать?

Старик оглядел помещение.

Здесь должны были работать десятки людей.

Специалисты воды.

Неба.

Связи.

Жизни.

Хранители ключей.

Архитектор.

Теперь стояли двое.

Старик, знавший несколько команд.

И мальчик, случайно разбудивший южную линию прикосновением.

Человечество не стало меньше разумом.

Но знание больше не жило между людьми.

Один род хранил слова.

Другой камень.

Третий историю.

Четвёртый запрет.

Никто не владел всем.

Они не могли построить новый светильник, хотя знали, что стены умеют светиться.

Не могли восстановить карту.

Не могли передать сигнал.

Не могли понять, что именно пробуждается под водой.

Каменный век не начался в тот день, когда исчезли инструменты.

Он начался, когда инструменты остались, а люди перестали понимать, как воспроизвести знание, заключённое внутри них.

— Запишем, — сказал старик.

Что?

Всё.

На чём?

Старик достал из сумки влажную глиняную табличку.

Он всегда носил одну.

Ученик усмехался.

Теперь перестал.

Старик начал выводить знаки.

Девяносто первый восход Сопдет после осевого события.

Вода в Низкой чаше начала снижаться.

Внешний наблюдательный узел частично пробудился.

Четыре опоры существуют отдельно.

Северная связь прервана.

Западная слаба.

Южная работает без человека.

Состояние Востока неизвестно.

Центральный контур закрыт.

Архитектор отсутствует.

Линия ответственности сохраняется.

Ученик читал через плечо.

Напиши, что знак движется.

Старик добавил.

Линия ответственности вошла в область наблюдения.

И что это значит?

Не знаем.

Он написал:

Смысл не подтверждён.

Ученик спросил:

— Кому отнесём?

Старик задумался.

В поселении табличку могли разбить.

Люди боялись старых систем.

После того как один из светящихся камней убил троих детей, старейшины запретили приближаться к руинам.

Хранители существовали по разрешению общины только потому, что предсказывали разливы и находили безопасные колодцы.

Сделаем копии.

Сколько?

Четыре.

Для опор?

Если найдём путь.

А пятую?

Старик посмотрел на пустое центральное место.

Оставим здесь.

Система отозвалась:

ВНЕШНИЙ НОСИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ ОБНАРУЖЕН.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ: СОХРАНИТЬ КОПИЮ.

Старик поднял табличку.

Как?

В центре колонны открылось узкое углубление.

Он положил туда глину.

Серый свет прошёл по поверхности.

Знаки исчезли.

Ученик вскрикнул.

Потом над колонной возникла точная копия текста.

Не на глине.

В свете.

Система произнесла:

— ЗАПИСЬ СОХРАНЕНА.

— Она съела табличку, — сказал ученик.

Нет.

Старик достал глину.

Знаки остались.

Сделала вторую память.

Значит, теперь запись не потеряется.

Старик посмотрел на повреждённую колонну.

Всё теряется.

Свет мигнул.

Карта начала гаснуть.

Северные точки исчезли первыми.

Потом Запад.

Юг оставался дольше.

Восточный знак появился в последний раз.

Белое дерево.

Корни.

Тёмная камера.

Потом исчезло и это.

Чёрный знак линии ответственности продолжал двигаться

ещё несколько мгновений.

Система произнесла:

— ЭНЕРГИЯ УЗЛА НИЖЕ МИНИМАЛЬНОГО УРОВНЯ.

СЛЕДУЮЩЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ НЕ ОПРЕДЕЛЕНО.

Старик быстро спросил:

— Что должны сделать хранители?

Система ответила не сразу.

ВОССТАНОВИТЬ ПОДТВЕРЖДЁННЫЕ ЛИНИИ СВЯЗИ.

СОХРАНИТЬ НЕЗАВИСИМЫЕ КЛЮЧИ.

НЕ ПЕРЕДАВАТЬ ПОЛНЫЙ ДОСТУП БЕЗ СОГЛАСОВАНИЯ ОПОР.

Ученик спросил:

— Почему?

Система уже гасла.

Последняя фраза появилась на стене:

ПРЕДЫДУЩАЯ ЕДИНАЯ ЦЕЛЬ ПРИВЕЛА К НЕОБРАТИМЫМ ПОТЕРЯМ.

Свет исчез.

Помещение погрузилось во тьму.

Старик зажёл светильник.

Ученик стоял возле пустого центрального места.

Что была за единая цель?

Не знаю.

Кто её выбрал?

Не знаю.

Архитектор?

Возможно.

Значит, он разрушил мир?

Старик поднял табличку.

Мы не знаем.

Но система сказала.

Система сказала, что цель привела к потерям. Не кто выбрал. Не почему. Не было ли других причин.

Разве система может скрывать?

Может не знать.

Она же видит больше нас.

Больше не значит всё.

Они вышли из круглой камеры.

В коридоре свет уже погас.

Вода продолжала снижаться.

У порога она едва достигала щиколоток.

Снаружи поднималось солнце.

Низкая чаша выглядела иначе.

Между руинами появились узкие полосы земли.

На одной лежали белые обломки.

На другой виднелось дерево, много лет росшее под водой.

Не живое.

Но целое.

Ученик смотрел на открывающийся город.

Расскажем людям?

Да.

Всё?

Старик подумал о словах:

линия ответственности;

Архитектор отсутствует;

единая цель привела к потерям.

Если произнести их на площади, люди услышат другое.

Бог возвращается.

Древний хозяин просыпается.

Вода уходит по его воле.

Старый мир откроется.

Одни захотят войти в руины.

Другие попытаются снова затопить вход.

Третьи принесут жертвы чёрному камню.

— Расскажем, что вода снижается, — сказал старик.

И всё?

И что под ней есть опасные сооружения.

А линию ответственности?

Передадим хранителям.

Каким? Мы их не знаем.

Начнём искать.

Ученик посмотрел на четыре направления.

Север далеко.

Да.

Запад за мёртвой землёй.

Да.

Южные пути затоплены.

Не все.

Восток никто не видел со времён деда.

Значит, кто-то должен увидеть.

Ученик понял.

Я?

Старик улыбнулся.

Когда научишься не трогать красный камень без разрешения.

Тогда никогда.

Возможно.

Они поднялись к наблюдательной площадке.

Сопдет исчезла в дневном свете.

Старая линия на камне оставалась.

Новая указывала немного в сторону.

Ученик свернул нить.

Если мы найдём других хранителей, они будут знать правду?

Свою часть.

А мы?

Свою.

Кто знает всё?

Старик посмотрел на затопленные руины.

Возможно, никто.

Даже Архитектор?

Особенно Архитектору опасно думать, что знает всё.

В поселении уже заметили воду.

Люди стояли на берегу.

Кричали.

Показывали на новые полосы земли.

Несколько мужчин спускали лодки.

Женщины звали детей домой.

Старейшины спорили, считать ли отступление воды благословением или предупреждением.

Один человек уже говорил, что видел над чашей звезду в форме глаза.

Другой утверждал, что ночью слышал голоса из-под земли.

Третий клялся, что вода отступает перед возвращением богов.

Старик ещё не успел сказать ни слова.

История уже начиналась без него.

Он передал ученику табличку.

Отнеси матери.

Почему ей?

Она умеет делать копии быстрее меня.

А ты?

Старик посмотрел на чёрный вход.

Останусь.

Зачем?

Вода может открыть другие помещения.

Один?

До вечера.

Ты говорил, мёртвые могут быть внутри.

Могут.

И древняя система.

Да.

И человек с линией ответственности.

Он далеко.

Система видела.

Система видела знак.

Ученик прижал табличку к груди.

Если ты не вернёшься?

Запись останется.

А если табличка разобьётся?

Сделаете новую.

А если люди не поверят?

Старик посмотрел на него.

Хранитель не тот, кому верят.

А кто?

Тот, кто оставляет возможность проверить.

Ученик побежал к поселению.

Старик остался на площадке.

Солнце поднималось.

Над водой летели птицы.

Они садились на крыши, которые вчера находились под поверхностью.

Из чаши доносился треск.

Где-то рушилась стена.

Где-то воздух впервые за девяносто один год входил в закрытое помещение.

Старик снова натянул нить между каменными столбами.

Одна линия указывала туда, где находилась Сопдет до Великой воды.

Другая туда, где она поднималась теперь.

Он положил между ними маленький камень.

Не чтобы выбрать.

Чтобы сохранить расстояние.

Хранители насчитали девяносто один восход Сопдет после ночи, когда небо изменило своё положение.

Остальные люди времени уже не считали.

Они говорили, что после Великой воды родились дети.

Потом дети этих детей.

Потом их внуки.

Люди забыли названия городов.

Забыли назначение машин.

Забыли язык, на котором камень отвечал человеку.

Но мир не опустел.

На Севере хранили белые камни.

На Западе люди ещё чувствовали слабый ритм общего поля.

На Юге потомки мастеров следили за водой.

На Востоке кто-то продолжал охранять живые формы.

Между ними жили поселения, не знавшие ни опор, ни Ар-

хитектора, ни причины Великой воды.

Каждая группа сохраняла часть.

Каждая считала свою часть главным наследием.

Ни одна не знала, что древняя система снова начала смотреть на мир.

Старик подошёл к краю площадки.

На вертикальной стене осталась тёмная влажная черта.

Ниже неё камень уже высыхал под солнцем.

Вода отступала.

Не впервые после Потопа.

Но впервые она открывала то, что прежде скрывала.

Глава первая. Когда отступила вода

Земля появилась на рассвете.

Сначала Натхор увидел лишь узкую тёмную полосу между водой и небом. Потом из серого тумана проступили вершины камней, обломанные стволы деревьев и склон холма, покрытый вязким чёрным илом.

Вода отступала.

Она уходила медленно и почти бесшумно, оставляя после себя мир, в котором не осталось ничего знакомого.

Натхор стоял у входа в пещеру и не решался сделать первый шаг.

За его спиной тяжело дышали люди. Никто не говорил. За долгие дни, проведённые под каменными сводами, они привыкли слушать только воду: её удары о скалы, гул под землёй и треск породы, будто сама земля пыталась сбросить с себя всё живое.

Теперь наступила тишина.

И эта тишина пугала сильнее.

— Она ушла? — спросил кто-то позади.

Натхор не ответил.

Он не знал.

Последняя ночь была тихой, но тишина ещё ничего не

означала. Вода уже отступала однажды, а потом вернулась, поднявшись выше прежнего. Она несла камни, деревья, части домов и тела людей. Она ударила в склон с такой силой, что вход в пещеру обрушился и едва не похоронил всех, кто успел укрыться внутри.

С тех пор никто не доверял тишине.

Натхор спустился на один шаг.

Ил под ногой дрогнул. Он перенёс вес вперёд, ожидая, что земля провалится, но она выдержала.

Тогда он опустился на колени и коснулся её ладонью.

Ил был холодным. Под ним лежала плотная влажная почва, а ещё глубже чувствовалось слабое тепло. Не тепло солнца — оно едва показывалось из-за облаков. Это было другое, едва уловимое движение, похожее на дыхание огромного спящего существа.

Земля была жива.

Из глубины поднималась вода. Не та, что затопила равнины и унесла поселения, а чистая подземная вода, пробивающая себе путь между слоями камня.

Натхор закрыл глаза.

На одно мгновение исчезли пещера, люди и серое небо.

Он увидел широкую реку, текущую между зелёных берегов. Увидел каналы, разделявшие чёрную землю на ровные участки. На восточном берегу поднимались белые стены, сады и ступенчатые храмы. Тысячи людей сеяли зерно, обжигали кирпич, измеряли поля и наблюдали за движени-

ем звёзд.

Видение было настолько ясным, что Натхор почувствовал запах влажной земли и дыма от печей.

Но за белым городом стояла тень.

На мгновение ему показалось, что вдалеке, за рекой, возвышаются другие сооружения: не храмы и не дома, а огромные тёмные башни, гладкие, словно вырезанные из одного камня. Между ними проходили линии белого света.

Потом небо вспыхнуло.

Вода поднялась стеной.

Видение исчезло.

Перед Натхором снова лежала мёртвая земля.

Он резко отдёрнул руку.

— Что ты увидел? — спросила стоявшая рядом женщина.

Её звали Мерит. До прихода воды она собирала лекарственные растения для храмового дома и знала свойства корней лучше многих служителей. Теперь её волосы были покрыты пылью, одежда порвана, а на руках темнели засохшие пятна крови.

Натхор посмотрел на неё.

Он не знал, что ответить.

Подобные видения приходили к нему и раньше. Иногда во сне. Иногда во время молитвы. Иногда при прикосновении к воде, камню или телу больного человека.

Старшие служители говорили, что через него могут говорить боги.

Другие считали это болезнью.

Сам Натхор не был уверен ни в одном из объяснений.

— Я увидел реку, — сказал он.

Мерит посмотрела на затопленную равнину.

— Здесь была река.

— Другую. Большую.

— Все реки теперь стали одной.

За её спиной заплакал ребёнок.

Этот звук словно разрушил оцепенение. Люди начали выходить из пещеры. Сначала осторожно, держась за каменные стены, потом всё быстрее. Некоторые падали на колени и целовали землю. Другие смотрели туда, где прежде находились их дома, хотя понимали, что искать было нечего.

От поселения не осталось даже руин.

Там, где прежде стояли жилища, простиралась вода. Из неё поднимались обломки крыш, ветви и тела животных. Каменные стены храма исчезли. Большой столб у входа был сломан и лежал далеко от прежнего берега, наполовину погружённый в ил.

Люди молчали.

Они узнавали отдельные вещи, но не узнавали место.

Кто-то нашёл деревянную фигурку ребёнка.

Женщина подняла её из грязи, прижала к груди и начала плакать.

Мужчина неподалёку стоял по колено в воде и смотрел на крышу собственного дома, застрявшую между двумя дере-

вьями.

Натхор медленно пошёл вдоль склона.

В нескольких шагах от воды среди грязи блеснуло что-то чёрное.

Сначала он решил, что это обломок обсидиана. Но предмет имел слишком правильную форму. Узкая пластина длинной с ладонь, гладкая с одной стороны и оплавленная с другой.

Натхор поднял её.

Камень оказался неожиданно тёплым.

На гладкой поверхности виднелись тонкие линии. Они пересекались под точными углами, образуя рисунок, похожий одновременно на карту и на созвездие.

Натхор провёл по ним пальцем.

Мир исчез.

Он увидел море.

Посреди него лежала огромная земля, разделённая кольцами воды. Над островами поднимались башни. В их вершинах сияли кристаллы, соединённые светящимися линиями.

Тысячи людей стояли на площадях.

Они не говорили.

Не двигались.

Их лица были спокойными, но этот покой показался Натхору страшнее крика. Все они смотрели в одну сторону, словно слышали один и тот же голос внутри собственных мыслей.

Затем видение изменилось.

Над бесконечным северным льдом горело сияние. Под ним стоял белый город. Его здания были низкими и широкими, а крыши отражали свет неба. В огромных залах люди сидели неподвижно, окружённые звуком, который невозможно было услышать ушами.

В центре одного из залов хранились тысячи каменных пластин.

Но двери были закрыты.

За ними толпились люди.

Они просили впустить их.

Хранители не открывали.

Потом над морем вспыхнули две линии света.

Одна пришла с запада.

Другая — с севера.

Земля дрогнула.

Океан поднялся.

Натхор выронил пластину.

Она упала в ил, и видение оборвалось.

Он отступил, тяжело дыша.

— Что это? — спросила Мерит.

Она подошла ближе и подняла чёрный обломок за край.

На её лице ничего не изменилось.

— Камень, — сказала она.

— Ты не видела?

— Чего?

Натхор посмотрел на пластину.

Теперь она была холодной.

— Ничего.

Мерит вытерла её тканью.

— Такие камни не встречаются в наших горах.

— Значит, его принесла вода.

— Возможно.

Она хотела отбросить обломок, но Натхор остановил её.

— Оставь.

— Зачем?

Он снова посмотрел на странные линии.

— Чтобы помнить, что прежний мир был больше нашего поселения.

Мерит завернула пластину в ткань и передала ему.

Натхор спрятал её под одеждой.

Он ещё не понимал, что увидел.

Возможно, видение было лишь последствием голода и долгих дней в темноте.

Но внутри него жило другое ощущение.

Не открытие.

Воспоминание.

Словно он уже видел те города.

Словно знал, почему люди на западной площади стояли, не поднимая головы.

Словно когда-то слышал спор тех, кто решил закрыть северные двери.

Старик Хену подошёл к краю склона.

До Потопа он управлял поселением от имени храмового владыки. Люди привыкли повиноваться ему. Он распределял зерно, назначал работы, решал споры и определял, какие дары следует приносить богам.

В пещере его власть почти исчезла.

Там было слишком темно, слишком тесно и слишком страшно. Никто не спрашивал разрешения Хену, прежде чем поделиться водой с ребёнком или лечь возле огня.

Но теперь, увидев землю, старик выпрямился.

— Никому не уходить далеко, — приказал он. — Сначала найдём священный камень. Потом принесём жертву.

Несколько человек молча кивнули.

Натхор посмотрел на затопленную равнину.

— Какую жертву?

Хену повернулся к нему.

— Лучшую из тех, что у нас остались.

— У нас не осталось животных.

Старик ничего не ответил.

Этого было достаточно.

Люди, стоявшие рядом с детьми, отступили.

Одна женщина прижала сына к себе. Мужчина рядом с ней поднял с земли камень.

Хену заметил это.

— Я не назвал жертву.

— Но подумал о ней, — сказал Натхор.

— Ты научился слышать мысли?

— Нет. Я вижу их лица.

— Вода ушла, потому что боги насытились, — произнёс Хену. — Если мы не поблагодарим их, она вернётся.

— Жертва не остановит воду.

— Откуда ты знаешь?

Натхор вспомнил кольца моря, сияющие башни и две линии света, пересёкшиеся над землёй.

— Не знаю.

Хену усмехнулся.

— Тогда молчи.

— Но и ты не знаешь, почему пришла вода.

Вокруг стало тихо.

Раньше Натхор не решился бы говорить с Хену подобным образом. Он был всего лишь младшим служителем, допущенным к очищению святилища и наблюдению за ночным небом. Он не имел права толковать волю богов перед собранием.

Но храма больше не существовало.

Не существовало и прежнего порядка.

— Ты сомневаешься в богах? — спросил Хену.

— Я сомневаюсь в тебе.

Мерит быстро посмотрела на Натхора, предупреждая его взглядом.

Хену приблизился.

— Пока другие молились, ты всё время смотрел в камни

и говорил о воде под землёй. Где она? Ты обещал источник.

— Я ничего не обещал.

— Тогда зачем ты вывел нас сюда?

Натхор обернулся к пещере.

Он действительно убедил людей открыть заваленный выход. Несколько старших хотели оставаться внутри ещё много дней. Они боялись, что вода вернётся.

Запасы почти закончились. Воздух становился тяжёлым. Дети начали слабеть. Но страх оказался сильнее голода.

Натхор чувствовал, что они должны выйти именно на рас свете.

Он не мог объяснить, откуда пришло это знание.

— Если бы мы остались, к вечеру начали бы умирать дети,
— сказал он.

— А теперь они умрут здесь.

Хену поднял руку и указал на людей.

— Посмотри на них. У нас нет воды. Нет пищи. Нет крова. Боги уничтожили всё, что мы построили. Мы должны доказать им покорность.

Натхор посмотрел на лица выживших.

Они ждали.

Не истины.

Приказа.

Любого приказа, который избавил бы их от необходимости решать самим.

Натхор почувствовал внезапную ясность.

Ему достаточно было назвать себя избранником. Сказать, что боги говорят через него. Указать место, где находился подземный источник.

Если вода действительно появится, люди поверят.

Они пойдут за ним.

Хену потеряет власть.

Натхор получит её.

Видение вспыхнуло перед ним так ярко, будто происходило наяву.

Он увидел себя стоящим на высоких ступенях храма. У его ног лежали дары. Тысячи людей склоняли головы, ожидая его слова.

За белыми стенами простирались каналы и поля. Город процветал. Дети не знали голода. В домах хранились знания, спасённые от Потопа.

Это была хорошая реальность.

Почти совершенная.

Только никто в ней не поднимал головы.

В глубине города сияла высокая башня.

От неё тянулись линии света, соединявшие дома и храмы. Люди двигались в едином ритме, не спорили и не нарушали правил.

Натхор снова увидел площадь затонувшего западного города.

Те же спокойные лица.

Та же покорность.

Он отступил.

Видение распалось.

Теперь Натхор понял, почему эта возможность вызвала в нём ужас.

Она была слишком знакомой.

— Боги не нуждаются в нашей покорности, — произнёс он.

Хену усмехнулся.

— Откуда младшему служителю знать, в чём нуждаются боги?

— Не знаю.

Люди зашептались.

Натхор видел их разочарование. Они надеялись, что он станет спорить, доказывать, покажет знак.

Вместо этого он признал своё незнание.

— Я не знаю, почему пришла вода, — продолжил он. — Не знаю, была ли она волей богов или следствием того, что сделали люди. Не знаю, почему мы выжили, а другие погибли. Но я знаю, что убийство ребёнка не вернёт наши дома.

Хену медленно опустил руку.

— Что значит — следствием того, что сделали люди?

Натхор коснулся спрятанного под одеждой чёрного обломка.

Перед глазами снова вспыхнуло море.

Две линии света.

Разломанная земля.

— Я не знаю, — повторил он. — Пока не знаю.

— Тогда не обвиняй людей в том, что могли совершить только боги.

— Возможно, мы слишком долго приписывали богам последствия собственных решений.

По толпе прошёл испуганный ропот.

Мерит шагнула ближе к Натхору.

— Осторожнее.

Он услышал её, но не отвёл взгляда от Хену.

— Если это были не боги, — спросил старик, — кто тогда накажет виновных?

— Возможно, наказание уже пришло.

— А что вернёт погибших?

— Ничто.

Это слово причинило людям боль.

Кто-то заплакал. Мужчина у входа в пещеру закрыл лицо ладонями. Мерит отвернулась к воде.

Натхор продолжил:

— Прежнего мира больше нет. Мы можем только построить другой.

— Из чего? — крикнула женщина с ребёнком. — Из грязи?

Натхор посмотрел на чёрный ил под ногами.

Он снова увидел зелёную равнину.

— Да, — ответил он. — Сначала из грязи.

Он спустился со склона.

Ил доходил до щиколоток. Каждый шаг давался с трудом. За спиной никто не двигался, но Натхор чувствовал на себе десятки взглядов.

Он прошёл вдоль каменной гряды и остановился возле места, которое увидел в первом видении. Там из земли выступала плоская светлая скала.

Натхор опустился на колени и начал разгребать ил.

— Что он делает? — спросил кто-то.

— Ищет свой источник, — насмешливо сказал Хену.

Натхор работал молча.

Пальцы быстро онемели. Камни резали кожу. Под ногтями появилась кровь.

Он не был уверен, что найдёт воду.

Видение могло быть только желанием истощённого разума.

Если он ошибся, Хену получит доказательство своей правоты.

Люди вернутся в пещеру.

А потом, когда начнётся жажда, они сами потребуют жертву.

Через некоторое время рядом опустилась Мерит.

— Ты видел её здесь?

— Я видел то, что может быть.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

— А если здесь ничего нет?

— Тогда мы потеряем часть дня.

— И твою власть.

Натхор остановился.

— У меня нет власти.

Мерит посмотрела на людей, наблюдавших со склона.

— Скажи это им.

Она начала отбрасывать камни.

К ним подошёл мальчик по имени Хори. Потом его мать.

Затем ещё двое мужчин.

Хену оставался на склоне.

— Вы тратите силы, — сказал он.

Никто не ответил.

Люди продолжали копать.

Солнце поднялось выше. Туман начал рассеиваться. Вдали показались вершины холмов, превратившихся после Потопа в острова.

На освобождавшейся земле лежали странные обломки.

Натхор видел куски ровно обработанного камня, металлическое кольцо размером с человеческий рост и прозрачный столб, треснувший по всей длине. Ничего подобного в их поселении не существовало.

Вода принесла их издалека.

Из мира, о котором выжившие почти ничего не знали.

Натхор уже перестал чувствовать руки, когда земля под его пальцами стала влажной.

Он замер.

Мерит заметила это и тоже остановилась.

Из-под камня выступила прозрачная капля.

Потом ещё одна.

Хори радостно закричал, но Натхор поднял руку.

— Подождите.

Они расширили углубление. Вода постепенно наполняла его, поднимаясь между камнями. Она была холодной и чистой на вид, но Натхор не позволил никому сразу пить.

Мерит набрала немного воды в чашу, понюхала и коснулась языком.

— Хорошая.

Люди бросились вниз.

— Медленно! — крикнул Натхор. — Сначала дети. Потом те, кто слабее.

Но его голос потерялся в шуме.

Люди толкали друг друга, протягивали сосуды и падали в грязь. Один мужчина ударил другого локтем. Женщина закричала, защищая ребёнка.

Хену спустился последним.

— Отойдите! — приказал он. — Воду будет распределять старший!

Привычка к повиновению оказалась сильнее жажды.

Люди остановились.

Хену подошёл к источнику и повернулся к Натхору.

— Боги показали тебе это место.

Натхор посмотрел на него.

— Возможно.

— Значит, через тебя была явлена их воля.

Люди снова ждали.

Натхору оставалось только согласиться.

Тогда источник стал бы первым чудом нового мира.

А он — первым пророком.

Ему не требовалось применять силу. Не требовалось угрожать или принуждать.

Достаточно было позволить людям поверить в то, во что они уже хотели поверить.

Это было проще, чем управлять их мыслями с помощью неизвестных башен.

Но результат мог оказаться тем же.

Натхор посмотрел на мальчика Хори. Тот держал пустую чашу обеими руками и не сводил с него глаз.

— Нет, — сказал Натхор.

Лицо Хену потемнело.

— Что — нет?

— Я нашёл воду не для того, чтобы один человек решал, кому позволено жить.

— Без порядка сильные заберут всё.

— Тогда создадим порядок вместе.

Хену рассмеялся.

— Вместе? С ними?

Он указал на людей.

— Они не могут поделить одну чашу воды.

— Значит, им придётся этому научиться.

— А если не научатся?

Натхор посмотрел на прозрачную воду, поднимающуюся из глубины земли.

Перед ним снова раскрылись линии возможностей.

В одной Хену сохранял власть. Люди повиновались, и первые месяцы проходили спокойно. Затем вода становилась наградой за верность, пища — платой за молчание, а воля богов — оправданием любого приказа.

В другой люди убивали друг друга у источника.

В третьей Натхор сам становился судьёй, распределителем и владыкой. Его решения были справедливыми. По крайней мере сначала.

Потом возникали храмы.

Затем служители, говорившие от его имени.

Потом законы, запрещающие сомневаться в его словах.

А спустя поколения никто уже не помнил, что когда-то Натхор хотел сделать людей свободными.

Но существовала ещё одна линия.

Слабая.

Почти незаметная.

В ней люди спорили. Ошибались. Нарушали собственные решения. Снова собирались и создавали новые правила. Они медленно учились видеть последствия своих поступков.

В этой реальности не было совершенного порядка.

Зато люди оставались людьми.

— Если не научатся, — сказал Натхор, — всё погибнет снова.

— И ты позволишь им ошибиться?

Натхор долго молчал.

Он не знал, кому принадлежал голос, прозвучавший внутри него.

Возможно, богам.

Возможно, звезде, свет которой сопровождал его во снах.

Возможно, собственной душе.

Ты можешь открыть путь.

Но не можешь пройти его вместо другого.

— Да, — ответил Натхор. — Иначе их выбор никогда не станет настоящим.

— Даже если их выбор убьёт всех нас?

Натхор вспомнил западные острова.

Закрытые северные двери.

Две силы, каждая из которых считала, что спасает мир.

— Если мы отнимем у людей право выбирать ради того, чтобы спасти их, — сказал он, — мы создадим другой вид смерти.

Хену смотрел на него с ненавистью.

Но в глубине его взгляда Натхор заметил нечто другое.

Страх.

Хену действительно верил, что без власти люди уничтожат друг друга.

Возможно, до Потопа он видел достаточно, чтобы прийти

к такому выводу.

— Красивые слова, — произнёс старик. — Посмотрим, сколько они будут стоять, когда начнётся голод.

Он отошёл.

В этот день воду разделили поровну.

Не потому, что люди стали мудрее.

И не потому, что слышали волю богов.

Просто каждый видел, сколько воды получает другой.

Первое правило нового мира оказалось несовершенным, но понятным.

Сначала напоили детей.

Потом больных и раненых.

Затем воду получили остальные.

Хену потребовал, чтобы его доля была такой же, как у всех. Натхор не понял, хотел ли он доказать свою справедливость или показать людям, что без его приказа они всё равно следуют старому порядку.

К вечеру люди укрепили источник камнями, собрали сухие ветви и натянули у входа в пещеру уцелевшие ткани.

Мерит осмотрела раненых.

Несколько мужчин отправились искать съедобные корни и тела животных, не тронутые разложением.

Тиа, пожилая женщина, помогавшая до Потопа вести храмовый учёт, сделала на плоском камне несколько линий.

— Что это? — спросил Хори.

— Сколько нас осталось.

Натхор посмотрел на знаки.

Тридцать две линии.

Столько людей пережили воду.

Тиа отделила короткими чертами детей, раненых и тех, кто не мог ходить.

— Зачем разделять? — спросил Натхор.

— Чтобы знать, сколько пищи потребуется каждому.

— А если камень потеряется?

— Сделаем другой.

— А если забудем, что означают линии?

Тиа пожала плечами.

— Тогда снова посчитаем людей.

Натхор коснулся камня.

Перед глазами возникли стены, покрытые символами. Он увидел слова, пережившие тех, кто их написал. Увидел знания, передававшиеся через поколения. Увидел и другое: закрытые комнаты, в которых священные знаки становились собственностью немногих.

— Мы должны научиться записывать не только количество людей, — сказал он.

— Что ещё?

— То, что с нами произошло.

Хену, находившийся рядом, услышал его.

— О деяниях богов имеют право писать только служители храма.

— Тогда мы запишем деяния людей.

— Для чего?

Натхор посмотрел на чёрный обломок, спрятанный под одеждой.

— Чтобы однажды наши потомки не назвали собственную ошибку гневом небес.

Хену отвернулся.

На закате люди развели первый настоящий костёр.

Огонь горел слабо. Дрова оставались влажными и дымили. Но вокруг него собрались все, кто мог ходить.

Они делили остатки пищи и обсуждали, что делать утром.

Одни хотели отправиться на поиски прежнего поселения.

Другие предлагали остаться у источника.

Несколько человек считали, что нужно немедленно строить жертвенник, пока боги снова не разгневались.

Спор становился всё громче.

Натхор не вмешивался.

Он слушал.

Это было трудно.

Каждый говорил о своём страхе так, словно он был единственной истиной. Люди перебивали друг друга, обвиняли, вспоминали старые обиды.

Натхору хотелось подняться и сказать, что они должны делать.

Он видел путь к реке.

Видел зелёные поля.

Видел город.

Но теперь понимал: видение будущего ещё не давало ему права превращать его в приказ.

Мерит села рядом.

— Ты опять молчишь.

— Они должны решить.

— Они не знают, какие земли остались впереди.

— Я тоже не знаю.

— Но видишь больше.

Натхор посмотрел на неё.

— Ты хочешь, чтобы я говорил за богов?

— Нет. Я хочу, чтобы ты говорил за себя.

Он задумался.

Потом поднялся.

Люди постепенно замолчали.

— Я не знаю, вернётся ли вода, — сказал Натхор. — Не знаю, найдём ли мы пищу и безопасную землю. Но я чувствую большую реку на востоке.

— Насколько далеко? — спросил кто-то.

— Не знаю.

— Там есть люди?

— Возможно.

— Ты видел город?

— Видел то, что может быть построено.

Хену усмехнулся.

— Снова возможность.

— Да.

— А если мы пойдём за ней и погибнем?

— Тогда это будет последствием нашего решения.

— Нашего или твоего?

Натхор не ответил сразу.

— Если я скрою то, что вижу, это тоже станет моим решением. Поэтому я рассказываю. Но идти или оставаться должны решить все.

Люди снова заговорили.

Решения в тот вечер они не приняли.

Но впервые никто не потребовал от Натхора знамения.

Этого было мало.

И всё же это было началом.

Когда костёр погас и люди вернулись в пещеру, Натхор поднялся на вершину холма.

Облака наконец разошлись.

На небе появились звёзды.

Многие созвездия казались смещёнными. Некоторые Натхор не мог узнать. Словно даже небо изменилось после Потопа.

Но одну звезду он увидел сразу.

Она сияла низко над горизонтом, ярче остальных.

При взгляде на неё у него перехватило дыхание.

Он не знал её земного имени.

Не знал, почему сердце наполнилось тоской, словно он увидел дом, покинутый так давно, что память о нём должна была исчезнуть.

Натхор достал чёрную пластину.

В свете звезды тонкие линии на её поверхности стали заметнее.

Среди пересекающихся знаков он увидел три точки, расположенные почти на одной линии.

Чуть ниже и в стороне находилась четвёртая.

Самая яркая.

Натхор поднял пластину к небу.

Он не понимал рисунка, но чувствовал: перед ним не просто карта земли.

Это была карта пути.

Перед глазами возникли два огромных глаза, отражавших звёздный свет.

Женское лицо.

Рога, охватывающие солнечный диск.

Потом — другая женщина, одетая в сияющие одежды. Она стояла над водой, держа на руках ребёнка. За её спиной горела та самая звезда.

Видение изменилось.

Натхор увидел себя до рождения.

Не человеком.

Не телом.

Только сознанием среди бесконечного пространства, наполненного светом.

Перед ним лежала Земля.

Он видел, как по её поверхности расходятся волны разру-

шения. Видел затонувшие острова, расколотые северные города и тысячи душ, одновременно покидающих тела.

Вокруг присутствовали другие сознания.

Одни хотели закрыть Землю.

Другие — уничтожить остатки опасного знания.

Третьи предлагали поставить человечество под управление тех, кого люди назовут богами.

Натхор услышал собственный голос.

Тогда я стану одним из них.

Не властителем.

Не судьёй.

Человеком.

Видение исчезло.

Натхор едва удержался на ногах.

Он не знал, было ли это воспоминанием или очередной возможностью.

Не знал, пришла ли его душа со звезды или лишь стремилась к ней.

Но теперь он был уверен в одном.

Он уже видел, как погиб этот мир.

И пришёл сюда не случайно.

— Кто вы? — прошептал Натхор, глядя на женские образы, ещё сохранявшиеся в его памяти.

Ответ пришёл не словами.

Он почувствовал присутствие сознаний, существовавших за пределами видимого мира. Они не повелевали. Не требо-

вали поклонения. Не обещали спасти людей.

Они ждали его решения.

Как ждали его решения люди у источника.

Натхор посмотрел вниз.

Возле пещеры тлел первый костёр. Люди спали, спорили во сне, стонали от боли и прижимали к себе детей.

Один источник.

Один костёр.

Тридцать два человека посреди разрушенного мира.

Но Натхор снова увидел широкую реку, зелёные поля и белые храмы. Увидел письма на камне, школы, врачей, наблюдателей звёзд и строителей, способных возводить сооружения, которые переживут тысячелетия.

Он увидел великую цивилизацию.

И тень, растущую внутри неё.

Потому что любое знание могло освободить человека.

И то же самое знание могло превратить его в раба.

Западный мир попытался управлять человеческой волей.

Северный мир спрятал знание за закрытыми дверями.

Оба погибли.

Натхор ещё не помнил их названий.

Но уже чувствовал ошибку, которую не должен был повторить.

Ему предстояло не просто восстановить разрушенный мир.

Он должен был найти третий путь.

Передавать знания, не превращая их в орудие подчинения.

Создавать порядок, не уничтожая свободу.

Хранить истину, не делая её собственностью избранных.

Натхор поднял глаза к сияющей звезде.

— Я не знаю, как это сделать.

Внутри него прозвучал тихий ответ.

Поэтому ты и родился человеком.

— На востоке, далеко за затопленными землями, — ответил гром.

Но Натхор уже знал: это была не новая волна.

Земля продолжала дышать.

А вместе с ней начинала дышать новая цивилизация.

Глава вторая. Первое правило

Натхор проснулся до рассвета.

В пещере было темно, но уже не так тихо, как ночью. Кто-то кашлял у дальней стены. Ребёнок тихо стонал во сне. У входа потрескивали последние угли, и в их слабом свете двигались тени людей.

Мерит сидела на земле, положив на колени больную девочку.

Её звали Нефру. Ей было пять лет, и почти всю ночь она металась в жару. Волосы прилипли к мокрому лбу, дыхание стало частым и поверхностным.

Рядом стояла мать девочки, прижимая к груди пустую чашу.

Натхор подошёл ближе.

— Стало хуже?

— Жар усилился, — ответила Мерит. — Вода попала ей в лёгкие, когда они поднимались к пещере. Если начнётся воспаление, я могу не успеть.

— Что тебе нужно?

— Чистая вода. Тепло. Кора ивы или горькие листья с северного склона. Но до рассвета я туда не пойду.

Натхор посмотрел на девочку.

Перед его внутренним взглядом возникло несколько образов.

Нефру лежала неподвижно, накрытая тканью.

Нефру сидела у костра и пила воду маленькими глотками.

Нефру шла по зелёному полю, уже взрослая, с корзиной семян в руках.

Последнее видение было почти прозрачным. Оно дрогнуло и исчезло раньше остальных.

Натхор закрыл глаза.

Он всё ещё не понимал, что именно видел. Будущее, одну из вероятностей или только собственную надежду.

— Возьми воду, — сказал он.

Мерит не пошевелилась.

— Сколько?

— Столько, сколько ей нужно.

— Вчера мы разделили её между всеми.

— Это ребёнок.

— Я вижу.

— Она может умереть.

— Я тоже это вижу.

Натхор почувствовал раздражение.

— Тогда почему ты ждёшь?

— Потому что вода принадлежит не мне.

— И не Хену.

— И не тебе.

Он хотел возразить, но остановился.

Вчера у источника Натхор говорил людям, что никто не должен единолично решать, кому позволено жить. Теперь,

когда решение касалось ребёнка, ему казалось очевидным, что исключение необходимо.

Возможно, любое единовластие начиналось с исключения, которое невозможно было не сделать.

— Мы не можем разбудить всех ради одной чаши воды,
— сказал он.

— Значит, нам нужно заранее решить, кто имеет право действовать, когда ждать нельзя.

— Сейчас у нас нет такого правила.

— Нет.

Мать девочки посмотрела на них.

— Пока вы говорите, она горит.

В её голосе не было упрёка. Только отчаяние.

Натхор взял пустую чашу.

— Я принесу воду.

Мерит поднялась.

— Я пойду с тобой.

Они вышли из пещеры.

Над землёй лежал плотный туман. Вода в низине казалась неподвижной, но где-то вдалеке раздавался глухой плеск. Потоп продолжал отступать, обнажая новые полосы чёрной земли.

Источник тихо журчал между камнями.

За ночь вырытое углубление должно было наполниться почти до краёв.

Но воды оказалось значительно меньше.

Натхор остановился.

— Вчера уровень был выше.

Мерит опустилась на колени и коснулась влажного края.

— Возможно, она уходит через трещину.

— Мы укрепили камни.

— Тогда кто-то пил ночью.

Возле источника лежали две чаши, каменная миска и треснувший кувшин. Кожаного сосуда, который нашли среди уцелевших вещей, не было.

Натхор осмотрел землю.

Влажный ил хранил множество следов. Некоторые оставили люди, подходившие к воде вечером. Другие были свежими.

Одна цепочка отпечатков шла от пещеры к источнику.

Вторая исчезала на камнях к западу.

— Кто-то унёс сосуд, — сказал Натхор.

— Или взял его для дела.

— Ночью?

— Люди делают странные вещи, когда боятся.

Натхор набрал воду.

На поверхности чаши отразилось светлеющее небо.

На мгновение вместо него он увидел площадь западного города.

Тысячи людей стояли неподвижно, глядя на сияющую башню. В их лицах не было страха. Не было и выбора.

Видение исчезло.

Натхор едва не выронил чашу.

— Снова? — спросила Мерит.

— Что?

— Ты смотришь на воду так, словно в ней кто-то говорит с тобой.

— Я увидел людей.

— Каких?

Натхор посмотрел в сторону пещеры.

— Тех, которых больше нет.

— Из твоего поселения?

— Нет.

Мерит ждала продолжения, но он промолчал.

Под одеждой лежала чёрная пластина.

Он чувствовал её прикосновение к коже. Со времени ночного видения камень не нагревался и не показывал ничего нового.

Натхор ещё не решил, следует ли рассказывать о нём остальным.

Если пластина действительно хранила память погибшего мира, она могла помочь понять причину Потопа.

Но могла и содержать то, что однажды уже привело к катастрофе.

Он вспомнил закрытые двери северного города.

Хранители, которые решили, что только они способны определить, кто достоин знания.

Натхор вдруг понял, насколько легко повторить их путь.

Достаточно сказать себе, что остальные пока не готовы.

— Что ты скрываешь? — спросила Мерит.

Натхор поднял на неё взгляд.

— Почему ты решила, что я что-то скрываю?

— Потому что после твоих видений ты касаешься груди,

словно проверяешь спрятанную вещь.

Его рука действительно лежала поверх пластины.

Он убрал её.

— Позже.

Мерит нахмурилась.

— Это ответ Хену.

— Что?

— Он тоже всегда говорил, что объяснит позже. Когда люди будут готовы. Когда пройдёт опасность. Когда боги пожелают.

— Я не Хену.

— Тогда не отвечай его словами.

Натхор хотел достать пластину.

Но из пещеры донёсся кашель Нефру.

— Сначала девочка, — сказал он.

— Сначала девочка, — согласилась Мерит. — Но разговор не закончен.

Они вернулись внутрь.

Мерит дала Нефру несколько маленьких глотков, смочила ткань и положила её на лоб ребёнка.

Мать девочки смотрела на чашу.

— Можно ещё?

— Через некоторое время, — сказала Мерит.

— Почему не сейчас?

— Если дать слишком много, её вырвет.

Женщина кивнула.

Натхор заметил, что люди вокруг уже просыпаются. Они увидели воду и начали подниматься.

Первым подошёл Хену.

— Кто разрешил взять её до общего распределения?

Мерит даже не обернулась.

— Нефру стало хуже.

— Я спросил, кто разрешил.

— Я, — сказал Натхор.

Хену посмотрел на него.

— Вчера ты говорил, что один человек не должен распоряжаться водой.

— Ребёнку требовалась помощь.

— Значит, твоё решение выше общего правила?

— Общего правила ещё нет.

— Было. Воду делят открыто и поровну.

— Нефру больна.

— Я вижу.

— Тогда в чём спор?

Хену указал на чашу.

— В том, что вчера ты отнял у меня право решать за всех, а сегодня взял его себе.

Люди вокруг притихли.

Натхор почувствовал, как в нём поднимается гнев.

Он мог сказать, что спас ребёнка.

Мог напомнить, кто нашёл источник.

Мог спросить, что сделал для общины сам Хену.

Но от этих слов решение Натхора не перестало бы быть единоличным.

— Ты прав, — сказал он.

На лице Хену мелькнуло удивление.

— Я должен был объяснить остальным, почему беру воду.

— До того, как взял.

— Тогда девочка ждала бы, пока мы спорим.

— Поэтому людям нужен тот, кто имеет право решать без спора.

— И этим человеком должен стать ты?

— Я уже был им.

— До Потопа.

— Вода разрушила дома, но не изменила природу людей.

Хену вышел к свету, падавшему из входа в пещеру.

— Вчера у источника они толкали друг друга. Ночью кто-то украл воду. Сегодня ты нарушил собственное решение. Завтра человек заберёт пищу, потому что его ребёнок голоднее чужого. Потом другой возьмёт оружие, потому что считает себя более достойным жить.

Он обвёл людей взглядом.

— Вы можете называть это свободой. Но я уже видел, чем

заканчивается свобода голодных людей.

Сабеф, сидевший у стены, поднял голову.

— Мы тоже видели.

Хену повернулся к нему.

— Тогда ты должен помнить засуху.

Сабеф ничего не ответил.

До Потопа два урожая подряд погибли от жары. Хену закрыл храмовые хранилища и приказал выдавать зерно только по установленной мере. Люди ненавидели его.

Несколько семей пытались взломать двери. Двоих мужчин избили храмовые стражи. Один умер.

Но зерна хватило до следующего урожая.

Натхор помнил и другое.

Хену решал, кому полагалось больше.

Семьи храмовых служителей получали полную долю. Людям, наказанным за неповиновение, выдавали меньше. Старикам и больным иногда отказывали совсем.

Хену спас поселение.

И одновременно научился определять, чья жизнь ценнее.

— Ты сохранил зерно, — сказал Натхор. — Но вместе с ним сохранил и свою власть.

— Власть нужна тому, кто несёт ответственность.

— Ответственность перед кем?

— Перед богами.

— А перед людьми?

— Люди видят только свой голод.

— А ты видел больше?

— Да.

Ответ прозвучал без колебаний.

Натхор вспомнил западную башню.

Те, кто построил её, вероятно, тоже видели больше.

Они знали, как умирять страх, прекращать войны и направлять тысячи людей к общей цели.

Возможно, они тоже начали с голодного ребёнка.

— Кожаный сосуд исчез, — произнесла Тиа.

Все повернулись к ней.

Пожилая женщина стояла у входа и смотрела на сложенную посуду.

— Вчера вечером он был здесь.

По пещере прошёл ропот.

— Я видел его перед сном, — сказал Хори.

— Кто дежурил ночью? — спросил Хену.

— Никто, — ответил Сабеф. — Мы не назначили стражу.

Хену развёл руками.

— Вот ваш новый порядок.

— Мы ещё ничего не построили, — сказал Натхор.

— Потому что порядок не строят разговорами.

— А чем?

— Приказом.

Хену повернулся к людям.

— Обыскать всех. Тот, у кого найдут сосуд или спрятанную воду, лишится своей доли на три дня.

— Нет, — сказал Натхор.

— Ты защищаешь вора?

— Ты ещё не знаешь, есть ли среди нас вор.

— Сосуд исчез сам?

— Следы уходят к западным камням. Возможно, воду взял человек, который не живёт в пещере.

Эти слова изменили настроение людей.

Несколько мужчин подняли палки.

Женщины прижали к себе детей.

— Здесь есть другие? — спросила мать Нефру.

— Я не знаю.

— Но следы видел?

— Да.

— Почему не сказал сразу?

Натхор не нашёл хорошего ответа.

Он хотел сначала помочь девочке.

Хотел сам понять увиденное.

Хотел избежать паники.

Все причины казались разумными.

И всё же он снова решил за остальных, какую часть правды им следует знать.

Хену заметил его замешательство.

— Он скрывает от вас то, что считает слишком опасным, — сказал старик. — А потом говорит о свободе.

Натхор почувствовал под одеждой чёрную пластину.

Северные двери были закрыты ради безопасности.

Западные башни управляли людьми ради порядка.

Между этими двумя решениями оставалось пространство, в котором человеку сообщали правду и позволяли самому встретиться с её последствиями.

Но для этого требовалось доверие.

А доверия ещё не было.

— Я должен был сказать о следах сразу, — произнёс Натхор.

— Да, — сказала Мерит.

Хену усмехнулся.

— И что теперь? Мы будем ждать, пока неизвестные придут за остальным?

— Нет, — ответил Сабеф. — Сначала проверим вещи.

— Значит, обыск, — сказал Хену.

— Проверим вместе, — возразила Тиа. — Каждый сам покажет, что у него есть.

— А если откажется?

— Тогда будем решать.

— Кто?

Вопрос снова повис над людьми.

Кау стоял у стены, завернувшись в грязную ткань.

Хену посмотрел на него первым.

До Потопа Кау дважды ловили возле храмового хранилища. В первый раз он украл горсть зерна. Во второй — кусок сушёного мяса.

— Начнём с него, — сказал Хену.

Кау выпрямился.

— Почему со мной?

— Потому что ты уже воровал.

— До воды.

— Вода не сделала тебя честным.

— А тебя не сделала богом.

Некоторые люди нервно рассмеялись.

Хену подошёл к Кау.

— Покажи, что прячешь под тканью.

— Ничего.

— Тогда тебе нечего бояться.

— Я не обязан раздеваться перед тобой.

— Передо мной — нет. Перед общиной — обязан.

— Кто это решил?

— Я решаю сейчас.

Хену схватил его за плечо.

Кау ударил старика в лицо.

Хену упал.

Сабеф и ещё двое мужчин бросились на Кау. Его сбили с ног. Кто-то ударил его в живот. Другой прижал коленом к земле.

Женщины закричали.

Хори отступил к стене.

Натхор увидел будущее.

Кау нащупывал камень.

Сабеф наклонялся слишком близко.

Камень разбивал ему висок.

Брат Сабефа душил Кау.

К вечеру две семьи стояли друг против друга с оружием.

Источник окрашивался кровью.

Возможность была настолько ясной, что Натхор на мгновение перестал различать настоящее.

Внутри него поднялась холодная сила.

Она не принадлежала мышцам.

Она была похожа на волну, способную пройти через сознание людей и погасить их ярость.

Натхор чувствовал, как легко позволить ей выйти.

Всего одно усилие.

Одна мысль.

Люди остановятся.

Возможно, упадут на колени.

Возможно, забудут, почему начали драться.

Возможно, будут благодарны.

Натхор увидел западную площадь.

Спокойные лица.

Отсутствие страха.

Отсутствие выбора.

Он сжал зубы и отступил от силы.

— Остановитесь! — крикнул он.

Никто не услышал.

Тогда Мерит схватила треснувший кувшин и разбила его о стену.

Резкий звук заставил людей замереть.

В руке Мерит остался длинный осколок.

— Ещё один удар, — сказала она, — и я не стану лечить того, кто его нанесёт.

Сабеф тяжело дышал.

Кау лежал на земле, закрывая лицо руками. Из рассечённой губы текла кровь.

Хену поднялся, прижимая ладонь к щеке.

— Он напал на меня.

— Ты первым схватил его, — ответила Мерит.

— Потому что он вор.

— Ты не знаешь этого.

— Тогда пусть покажет, что прячет.

Кау медленно сел.

— Я не брал воду.

— Покажи, — сказал Сабеф.

Кау посмотрел на людей.

В его взгляде были страх и ненависть.

Потом он развернул ткань.

Под ней лежал небольшой кусок сушёного мяса.

По пещере прошёл тяжёлый вздох.

— Где взял? — спросил Хену.

— Нашёл вчера в грязи.

— Почему не отдал?

— Потому что вы заберёте всё.

— Это принадлежит общине.

— Кто решил?

— Всё, что осталось после Потопа, должно быть разделено.

— Тогда почему вчера моей матери дали половину доли? Люди замолчали.

Мать Кау лежала у дальней стены. Камень повредил ей бедро, и она почти не могла вставать.

— Она не работает, — сказал один из мужчин.

— Она не может, — ответил Кау.

— Еды мало.

— Поэтому вы решили, что она должна умереть первой?

— Никто этого не решал.

— Именно так вы всегда говорите. Никто не решал. Просто ей дали меньше. Просто она слабая. Просто сильным нужнее.

Кау взял мясо.

— Я хотел отдать ей.

Мерит присела рядом с женщиной и коснулась её лба.

— Она не ела со вчерашнего утра.

Несколько человек отвели глаза.

Хену протянул руку.

— Отдай мясо.

Кау прижал его к груди.

— Нет.

— Если каждый станет прятать найденное, через несколько дней у нас не будет общины.

— А если всё отдать тебе, через несколько дней у нас не будет свободы.

— Свобода не кормит.

— Твоя власть тоже.

Хену шагнул вперёд.

Натхор встал между ними.

— Довольно.

— Ты снова решаешь? — спросил старик.

— Нет. Я не позволю вам начать новую драку.

— Это решение.

— Да.

Натхор почувствовал вес собственного ответа.

Мерит была права.

Невозможно было полностью отказаться от влияния, если он видел опасность и мог её остановить.

Вопрос заключался не в том, влияет ли он на других.

Вопрос был в том, признаёт ли он это влияние и позволяет ли людям судить о нём.

— Кау оставит мясо матери, — сказал Натхор. — Сегодня.

Хену усмехнулся.

— А завтра?

— Завтра мы решим, как поступать с найденной пищей.

— Кто решит?

— Все.

— Пока они будут говорить, кто-то снова украдёт.

— Поэтому нам нужны люди, которые смогут принимать временные решения.

— Старший.

— Не один.

Натхор оглядел общину.

Идея ещё не была ясной. Она только складывалась из слов Мерит, знаков Тиа и ошибок предыдущего дня.

— Трое, — сказал он.

— Почему трое? — спросил Сабеф.

Натхор вспомнил три точки на чёрной пластине.

Пояс неизвестного созвездия.

Три опоры, которые не позволяли одной силе удерживать всё.

Но он не хотел превращать рисунок на камне в приказ.

— Потому что двое могут разделиться, — ответил он. — Один может присвоить власть. Трое смогут спорить друг с другом.

— А если трое договорятся? — спросил Кау.

— Тогда их решения должны быть видны всем.

Тиа подняла плоский камень, на котором вчера отметила количество выживших.

— Я могу записывать воду и пищу.

— Линиями? — спросил Хори.

— Пока линиями.

— А кто выберет троих? — спросила мать Нефру.

— Все взрослые, — сказала Мерит.

Один из мужчин нахмурился.

— Женщины тоже?

Мерит медленно повернулась к нему.

— Когда вода пришла, женщины несли детей так же, как мужчины. Когда ты поранил ногу, тебя лечила женщина. Когда Нефру стало плохо, ни один мужчина не знал, что делать.

— Я только спросил.

— Я ответила.

— А старики? — спросил Сабеф.

— Если человек способен понять вопрос, он способен называть того, кому доверяет, — сказала Тиа.

— А те, кто не может ходить?

— Ноги не выбирают за голову.

Хену покачал головой.

— Детская игра.

— Возможно, — ответила Мерит. — Но твой порядок уже существовал. И мы знаем, к чему он привёл.

— Мой порядок не вызвал Потоп.

Натхор коснулся спрятанной пластины.

— Возможно, Потоп начался с порядка, похожего на твой.

Все посмотрели на него.

Хену сузил глаза.

— Что это значит?

Натхор долго молчал.

Наступил момент, когда он снова мог отложить правду.

Сказать, что объяснит позже.

Что люди не готовы.

Что сначала необходимо обеспечить безопасность.

Северные двери закрывались именно такими словами.

Натхор достал пластину.

Чёрный камень лежал на его ладони, гладкий и тусклый.

На поверхности виднелись тонкие пересекающиеся линии.

Люди приблизились.

— Где ты это нашёл? — спросила Тиа.

— Вчера у воды.

— Почему не показал?

— Не знал, что это такое.

— Сейчас знаешь? — спросил Хену.

— Нет.

— Тогда зачем показываешь?

— Потому что видел то, что она хранит.

Хену рассмеялся.

— Камень хранит видения?

— Возможно.

— Или ты хочешь, чтобы люди поверили в ещё одно чудо?

Натхор протянул пластину Мерит.

— Коснись.

Она взяла камень.

Ничего не произошло.

— Холодный, — сказала она.

Тиа тоже прикоснулась.

Потом Сабеф.

Никто не увидел ничего.

Натхор рассказал им о западном городе, разделённом кольцами воды. О башнях, соединённых светом. О людях, которые стояли на площадях, словно одна воля управляла тысячами тел.

Он рассказал о белом северном городе, о хранилище пластин и закрытых дверях.

О двух линиях света.

О земле, дрогнувшей перед подъёмом океана.

Люди слушали молча.

— Ты говоришь, что люди вызвали воду? — спросила мать Хори.

— Я не знаю.

— Но видел это.

— Видел образы. Я не знаю, были ли они памятью, предупреждением или обманом.

— Кто мог построить такие города? — спросил Сабеф.

— Люди, знавшие больше нас.

— Тогда почему они погибли?

Натхор посмотрел на пластину.

— Возможно, потому что решили, будто знание даёт им право выбирать за остальных.

Хену фыркнул.

— Удобная история.

— Она удобна не мне.

— Почему?

— Потому что я тоже вижу больше других. И каждый раз должен решать, что с этим делать.

Хену забрал пластину из рук Мерит.

Натхор напрягся, но не остановил его.

Старик долго рассматривал линии.

— Это может быть храмовая карта.

— Может.

— Её нельзя держать у всех на виду.

— Почему?

— Если она хранит опасное знание, её должны изучить служители.

— Какие служители? — спросила Мерит. — Храма больше нет.

— Храм можно восстановить.

— И снова закрыть двери?

Хену поднял взгляд.

— Не всё знание должно принадлежать каждому.

Слова прозвучали почти так же, как в видении Натхора.

Он увидел северных хранителей.

Людей за дверями.

Катастрофу, пришедшую раньше, чем двери успели открыть.

— Возможно, ты прав, — сказал Натхор.

Все удивлённо посмотрели на него.

— Некоторые знания действительно опасны. Но если решение о том, кто достоин их знать, принимает только храни-

тель, однажды он начинает охранять не людей, а собственную власть.

— Тогда что ты предлагаешь? Отдать оружие ребёнку?

— Нет. Объяснить, почему оно опасно. Сделать правила доступа понятными. Позволить спрашивать. Не превращать незнание в обязанность.

Хену протянул ему пластину.

— Красивые слова. Но когда этот камень убьёт кого-нибудь, ответственность будет на тебе.

Натхор взял её.

— Да.

Это было первое обещание, которое он произнёс без видения.

Не обещание результата.

Обещание ответственности.

Тиа положила перед собой камень учёта.

— Сначала выберем троих.

Спор продолжался долго.

Одни хотели назначить Натхора, потому что он нашёл источник.

Другие — Хену, потому что тот уже управлял поселением.

Кау сказал, что не станет подчиняться ни одному из них.

Мерит предложила выбирать только на один день.

— За день человек не успеет привыкнуть к власти, — сказала она.

— И не успеет понять, что делает, — возразил Хену.

— На следующий день его можно выбрать снова.

— Тогда это будет постоянный старший, только с ежедневной церемонией.

— Если люди продолжают ему доверять, да.

— И ты называешь это порядком?

— Я называю это возможностью отозвать доверие.

Первой выбрали Мерит.

Она знала, кому требовалось больше воды, кто был ранен и кто мог работать.

Вторым стал Сабеф. Он пользовался уважением мужчин и умел организовать тяжёлую работу.

Третьей выбрали Тиа, потому что она считала запасы и помнила хозяйственные меры.

Натхор отказался от своего имени.

— Ты боишься ответственности? — спросил Хену.

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что люди уже смотрят на меня как на того, кто знает путь. Если я получу ещё и право распределять воду, они перестанут различать совет и приказ.

— Ты всё равно будешь влиять на решения.

— Да.

— Значит, отказываешься от названия, но сохраняешь власть.

Хену снова попал точно.

Натхор не мог отрицать этого.

— Поэтому трое должны спорить и со мной, — сказал он.
Мерит посмотрела на него.

— Будем.

Тиа провела на камне три вертикальные линии.

Под первой поставила знак воды.

Под второй — пищи.

Под третьей — работы.

— Что это значит? — спросил Хори.

— Что сегодня трое отвечают за всё, что будет разделено.

— А завтра?

— Завтра люди решат, оставить их или выбрать других.

— А если они поступят плохо?

Тиа посмотрела на мальчика.

— Вечером они расскажут, что сделали. И каждый сможет спросить почему.

Хену усмехнулся.

— Думаешь, линии на камне заставят человека говорить правду?

— Нет, — ответила Тиа. — Но не позволят ему сказать, что ничего не было.

Так появилось первое правило.

Те, кто распоряжался общими запасами, должны были делать это открыто и в конце дня объяснять свои решения.

Правило не запрещало воровство.

Не останавливало насилие.

Не делало людей справедливыми.

Оно только лишало власть права быть невидимой.

К полудню трое выбранных распределили работу.

Сабеф отправил несколько мужчин собирать дерево и сухой камыш на верхнем склоне.

Мерит повела двух женщин искать лекарственные растения.

Тиа осталась у источника. Она отметила уровень воды и начала считать, сколько времени требуется, чтобы углубление снова наполнилось.

Кау получил небольшую порцию для матери.

Сушёное мясо он сам положил рядом с общими запасами.

— Ты можешь оставить его, — сказала Мерит.

— Теперь уже нет.

— Почему?

— Потому что все смотрят.

— Это не причина.

Кау помолчал.

— Если я оставлю, они будут считать меня вором. Если отдам, станут считать честным. Я не хочу ни того ни другого.

— А чего хочешь?

— Чтобы мать ела.

— Тогда часть останется ей. Остальное разделим между больными.

Кау кивнул.

Натхор вместе с Сабефом укреплял источник.

Они выложили вокруг него второй круг камней и сделали

узкий желоб, по которому лишняя вода стекала в небольшую яму.

— Она уходит в землю, — сказал Сабеф.

— Пока.

— Можно увеличить углубление.

— Или направить воду туда, где она понадобится.

Сабеф посмотрел на затопленную равнину.

— Там воды больше, чем земли.

— Она уйдёт.

— Ты видел?

— Да.

— А потом?

Натхор закрыл глаза.

Он увидел чёрный ил, покрытый трещинами.

Увидел первые зелёные ростки.

Каналы.

Поля.

Людей, несущих корзины зерна.

— Потом мы вернём воду на землю сами.

Сабеф рассмеялся.

— Сначала ты ищешь воду под камнями. Теперь собираешься заставить её течь туда, куда хочешь.

— Не заставить. Показать путь.

— Вода не человек.

— Возможно, поэтому с ней проще.

Они продолжили работу.

Через некоторое время Сабеф сказал:

— Хену не всегда был таким.

— Каким?

— Он не всегда говорил о богах, когда хотел приказать.

— Что изменилось?

— Засуха.

Сабеф уложил камень.

— Когда начался голод, люди приходили к его дому. Просили зерно. Угрожали. Одна женщина бросила в него мёртвого ребёнка и сказала, что это его вина.

— Была?

— Не знаю.

— А он?

— После этого перестал выходить без стражи. И больше никому не объяснял решения.

Натхор посмотрел в сторону пещеры.

Хену сидел отдельно от остальных.

— Он боится людей, — сказал Натхор.

— А люди боятся его.

— Из такого страха легко построить порядок.

— Зато он стоит.

— До первой большой воды.

Сабеф ничего не ответил.

К вечеру Мерит вернулась с корой и горькими листьями. Жар у Нефру немного снизился.

Тиа подсчитала скорость наполнения источника. Воды

хватало всем, но только при условии, что ночью никто не станет брать её тайно.

Сабеф предложил назначить дежурных.

Первую половину ночи у источника должен был провести он сам. Вторую — молодой охотник Неби.

Перед закатом община собралась у костра.

Мерит рассказала, кому понадобилось больше воды и почему.

Сабеф перечислил выполненные работы.

Тиа показала линии на камне.

— Источник наполнился четыре раза, — сказала она. — Мы использовали тридцать шесть чаш. Четыре дополнительные чаши получили больные.

— Почему четыре? — спросил мужчина.

— Две Нефру. Одну мать Кау. Одну человек с раной на ноге.

— Я работал весь день, — сказал другой. — Почему мне не дали больше?

— Потому что ты не просил.

— Значит, кто громче просит, тот получает?

— Нет. Завтра мы заранее определим, сколько воды нужно для тяжёлой работы.

— Почему не определили сегодня?

— Потому что утром ещё не знали, сколько воды даёт источник.

— А если ты ошиблась?

Тиа посмотрела на него.

— Тогда завтра исправим.

Некоторые люди засмеялись.

Не над ней.

Скорее от непривычности ответа.

Хену сидел за пределами круга.

— И это ваш порядок? — спросил он. — Каждый день новые правила?

— Пока меняются обстоятельства, правила тоже должны меняться, — ответила Мерит.

— Закон, который меняется каждый день, не закон.

— Закон, который не меняется, когда люди умирают, — это камень на шее.

— Поэтому храмовые законы переживают людей.

— Возможно, именно поэтому люди перестают понимать, зачем они были созданы.

Хену поднялся.

— Когда ночью кто-нибудь убьёт дежурного и заберёт воду, вы вспомните мои слова.

Он ушёл в пещеру.

После собрания Натхор поднялся на вершину холма.

Сириус ещё не появился.

Облака закрывали восток. Над низиной лежал туман, а из освобождённой воды выступали странные обломки погибшего мира.

Чёрные камни.

Металлические дуги.

Прозрачные пластины.

На некоторых поверхностях отражался свет костра.

Мерит подошла сзади.

— Нефру уснула.

— Она выживет?

— Теперь у неё больше возможностей.

Натхор посмотрел на неё.

— Ты говоришь как я.

— Нет. Я просто перестала обещать матерям то, чего не знаю.

Она села на камень.

— Покажи пластину.

Натхор достал её.

В сумерках линии почти исчезли.

Мерит провела по поверхности пальцем.

— Ты правда видел всё это?

— Да.

— Западный город и северный?

— Да.

— И люди вызвали Потоп?

— Я не уверен.

— Но думаешь, что это возможно.

— Теперь думаю.

Мерит вернула камень.

— Почему он показывает видения только тебе?

— Не знаю.

— Может быть, потому что принадлежал тебе?

Натхор вспомнил ощущение узнавания.

Не открытие.

Воспоминание.

— Возможно.

— Ты жил в одном из тех городов?

— Не помню.

— На Западе?

Перед глазами Натхора возникли спокойные лица.

— Не думаю.

— На Севере?

Он увидел закрытые двери.

— Не знаю.

Мерит долго молчала.

— Что страшнее?

— Что?

— Город, где всем управляли, или город, где знание скрывали?

Натхор посмотрел на пещеру.

Внутри люди спорили о дежурстве.

— Раньше я бы сказал, что первый.

— А теперь?

— Теперь думаю, что это две стороны одного страха.

— Какого?

— Что человек выберет неправильно.

Мерит подняла голову к небу.

— Он обязательно выберет неправильно.

— Тогда Хену прав?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он тоже человек.

Ответ был простым.

И потому почти невозможным для опровержения.

— Ты считаешь, мы поступили правильно? — спросил

Натхор.

— Сегодня никто не умер из-за распределения воды.

— Это не доказывает, что правило хорошее.

— Другого способа проверить у нас нет.

— Я вижу последствия раньше.

— Иногда.

— Иногда достаточно.

— А иногда твои видения могут заставить тебя увидеть

только то, чего ты боишься.

Натхор сжал пластину.

— Поэтому я отказался стать одним из троих.

— Нет.

— Почему тогда?

— Потому что боишься стать Хену.

Он посмотрел на неё.

— Разве это плохой страх?

— Плохим становится тот страх, который решает за тебя.

— Если люди начнут принимать мои видения за истину, они перестанут выбирать сами.

— А если ты видишь опасность и молчишь, они выбирают без части правды.

— Значит, я всё равно влияю.

— Да.

— И могу ошибиться.

— Да.

— Люди могут погибнуть.

— Да.

— Ты говоришь об этом слишком спокойно.

— Потому что они могут погибнуть и тогда, когда ты ничего не сделаешь.

Мерит поднялась.

— Ты не обязан становиться царём. Но не сможешь спрятаться за нашей свободой, когда тебе страшно отвечать за свой дар.

Она ушла.

Натхор остался один.

Через некоторое время облака разошлись.

Сириус появился над горизонтом.

Чёрная пластина нагрелась.

Натхор поднял её.

Три точки на поверхности стали едва заметно светиться.

Чуть ниже загорелась четвёртая.

Самая яркая.

Но теперь рядом с ней появилась тонкая линия, уходившая к краю камня.

Натхор повернул пластину.

Линия словно указывала вниз, к затопленной равнине.

Он не успел понять её значение.

Из темноты донёсся крик.

Натхор бросился к источнику.

Сабеф стоял на коленях возле лежавшего человека.

Это был Неби.

Молодой охотник дышал, но не открывал глаз. На его затылке темнела кровь. Рядом лежал тяжёлый камень.

— Я услышал удар, — сказал Сабеф. — Когда прибежал, он уже лежал здесь.

Источник был почти пуст.

Исчезли две чаши.

Кожаный сосуд, пропавший прошлой ночью, снова ненадолго появился у источника, а теперь исчез вместе с водой.

— Значит, вор приходил дважды, — произнёс Хену.

Люди выбегали из пещеры.

— Это Кау, — сказал кто-то.

— Я был внутри! — крикнул Кау.

— Его видели, — ответила мать Нефру. — Он спал рядом с матерью.

Натхор опустился возле Неби.

Мерит уже осматривала рану.

— Он выживет?

— Если кость не сломана.

Хену поднял камень.

— Теперь вы назначите наказание?

— Сначала найдём того, кто это сделал, — сказал Сабеф.

— А потом?

Натхор не ответил.

На влажной земле были видны следы.

Они начинались у источника и уходили вниз по склону.

Не к пещере.

Не к западным камням.

К равнине.

Натхор поднял чёрную пластину.

Светящаяся линия на её поверхности указывала в ту же сторону.

Из низины донёсся протяжный человеческий крик.

Ему ответили ещё несколько голосов.

На равнине были люди.

Не один человек.

Целая группа.

Среди тумана вспыхнул далёкий огонь.

На мгновение Натхор увидел силуэты, двигавшиеся вокруг него.

Один из них держал над головой кожаный сосуд.

Хену подошёл к Натхору.

— Ты хотел порядка без власти.

Он указал на Неби.

— Вот его первая цена.

Натхор смотрел на далёкий огонь.

— Нет.

— Что — нет?

— Это цена не свободы.

Он сжал пластину.

— Это цена того, что мы ещё не знаем, кто живёт рядом с нами.

Со стороны равнины снова раздался крик.

Теперь в нём слышалось не торжество.

Предупреждение.

Или просьба о помощи.

Натхор не мог различить.

Но чёрная пластина становилась всё теплее.

Она узнала тех, кто находился внизу.

Или то, что они принесли с собой.

Глава третья. Чёрная земля

Огонь в низине горел недолго.

Он вспыхнул среди тумана, осветил несколько человеческих фигур и почти сразу погас, словно те, кто находился внизу, поняли, что выдали себя.

Но Натхор уже увидел достаточно.

Люди.

Не призраки, порождённые водой.

Не видение чёрной пластины.

Настоящие люди, скрывавшиеся среди обломков погибшего мира.

— Нужно идти сейчас, — сказал Сабеф.

Он сжимал в руке тяжёлую палку. На его лице ещё оставалась кровь Неби.

— В темноте? — спросила Мерит. — По земле, которая может уйти из-под ног?

— Они напали на нашего человека.

— И унесли воду, — добавил Хену. — Если позволим им уйти, завтра они вернутся за остальными запасами.

Натхор продолжал смотреть вниз.

Туман снова скрыл огонь. Только чёрная пластина в его ладони сохраняла слабое тепло. Тонкая линия на её поверхности указывала к равнине.

— Неби нельзя оставлять одного, — сказала Мерит.

— Я останусь с ним, — предложила Тиа.

Она стояла рядом с молодым охотником и поддерживала его голову сложенной тканью.

— Ты не умеешь лечить, — ответила Мерит.

— Но умею не давать человеку захлебнуться собственной кровью.

Мерит посмотрела на рану.

Неби всё ещё не приходил в сознание. Удар пришёлся по затылку, но дыхание оставалось ровным.

— Я должна быть рядом, если он очнётся.

— Тогда оставайся, — сказал Хену. — Мужчины вернут воду.

Натхор повернулся к нему.

— Мы не знаем, сколько их.

— Поэтому нельзя ждать, пока они соберутся.

— И не знаем, почему они украли воду.

Хену посмотрел на него так, словно не поверил услышанному.

— Ты предлагаешь спросить напавшего, почему он раскроил Неби голову?

— Предлагаю сначала понять, с кем мы имеем дело.

— С ворами.

— Возможно.

— Что ещё тебе нужно увидеть?

Натхор сжал пластину.

Он видел достаточно, чтобы знать: первое впечатление

редко содержало всю правду.

Западный город казался совершенным, пока не становилось понятно, что его жители лишены собственной воли.

Северные хранители казались мудрыми, пока не заметишь людей, стоящих перед закрытыми дверями.

Даже Хену когда-то спас поселение от голода.

— Я пойду, — сказал Натхор.

Мерит подняла голову.

— Не один.

— Со мной пойдёт Сабеф.

— И я, — произнёс Хену.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты уже решил, что они виновны.

— А ты уже решил, что их нужно оправдать.

Натхор хотел возразить, но понял, что старик снова нашёл слабое место.

Он действительно искал объяснение поступку неизвестных раньше, чем увидел их.

Возможно, это было не милосердие.

Возможно, он просто хотел доказать Хену, что насилие не является единственным ответом.

— Ты пойдёшь, — согласился Натхор. — Но никто не нападает без моего слова.

— Твоего?

— Если ты не согласен, оставайся.

Хену усмехнулся.

— Вот как быстро человек, отвергающий власть, начинает отдавать приказы.

— Это не власть над общиной. Это условие пути со мной.

— Разница существует только в твоих словах.

— Возможно. Но условие остаётся.

Хену некоторое время смотрел ему в лицо.

— Хорошо.

К ним присоединились Сабеф и Кау.

— Ты останешься, — сказал Хену.

Кау поднял с земли короткую палку.

— Почему?

— Потому что тебя подозревали в краже.

— И оказалось, что я не крал воду.

— Пока не доказано обратное.

— Он идёт, — сказал Сабеф. — Если те люди видели нашу пещеру, здесь должно остаться больше мужчин.

Хену хотел спорить, но Натхор уже отвернулся.

Мерит схватила его за запястье.

— Не доверяй пластине больше, чем собственным глазам.

— Она ведёт нас к ним.

— Или к тому, что хочет найти сама.

Натхор посмотрел на чёрный камень.

— Ты думаешь, она живая?

— Я думаю, мы не знаем, что она такое.

— Именно поэтому должен пойти.

— Нет. Ты должен пойти из-за людей. Пластина — только вещь.

— Вещь, которая хранит память.

— Память тоже умеет лгать.

Натхор спрятал пластину под одеждой.

— Я вернусь до рассвета.

— Не обещай того, чего не можешь знать.

— Тогда вернусь, если смогу.

— Уже лучше.

Мерит отпустила его.

Четверо мужчин начали спускаться по склону.

Натхор шёл первым.

Почва под ногами была рыхлой. В некоторых местах слой ила доходил почти до колен, и приходилось искать выступающие камни. Вода оставляла после себя узкие ручьи, которые меняли направление прямо на глазах.

Туман скрывал всё дальше десяти шагов.

Иногда из темноты появлялись обломки.

Ровная каменная плита, слишком большая, чтобы её могли обработать жители их поселения.

Изогнутый металлический стержень, покрытый зеленоватым налётом.

Прозрачный осколок толщиной с ладонь. Внутри него словно застыл тонкий золотой волос.

Кау наклонился, чтобы поднять его.

— Не трогай, — сказал Натхор.

— Почему?

— Не знаю.

— Тогда почему не трогать?

Натхор остановился.

Мерит сказала почти то же самое о пластине.

Нельзя превращать незнание в запрет, который никто не имеет права обсуждать.

— Потому что мы не знаем, может ли он причинить вред,

— объяснил Натхор. — Сначала осмотрим.

Кау присел рядом с осколком, не касаясь его.

— Похож на лёд.

— Лёд растаял бы.

— Может быть, это камень.

Хену подошёл ближе.

— Такие вещи должны храниться в храме.

— Ты говоришь это о каждом предмете, которого не понимаешь? — спросил Кау.

— В храме есть люди, обученные распознавать священное.

— Где они сейчас?

Хену ничего не ответил.

Натхор провёл ладонью над прозрачным осколком.

Тепла не было.

Чёрная пластина под одеждой не отозвалась.

— Оставим, — сказал он. — Отметим место камнями и вернёмся днём.

Кау положил рядом три небольших камня.

— Так?

— Да.

— Вот тебе и первый знак на земле, — сказал Сабеф. —

Тиа была бы довольна.

Они продолжили путь.

Следы были хорошо видны там, где вода оставила мягкий ил. Один человек шёл быстро, иногда скользил и падал. В нескольких местах виднелись отпечатки рук.

Он нёс тяжёлый сосуд.

Через некоторое время Натхор заметил вторую цепочку следов.

Она шла навстречу первой.

— Здесь его ждали, — сказал Сабеф.

Следы принадлежали двоим взрослым и ребёнку.

— Они пришли за водой не впервые, — произнёс Хену.

— Возможно, — ответил Натхор.

— И наблюдали за нами.

— Возможно.

— Сколько раз ты будешь говорить это слово?

— Пока не узнаю больше.

— Так можно оправдать любую слабость.

— И уверенность может оправдать любую жестокость.

Хену замолчал.

Впереди послышался звук.

Не крик.

Кашель.

Тяжёлый, надрывный.

Мужчины остановились.

Кашель повторился. Потом раздался плач ребёнка.

— Они близко, — прошептал Кау.

Сабеф поднял палку.

Натхор жестом приказал опустить её.

— Я не поднимал для удара, — тихо сказал Сабеф.

— Они этого не знают.

Туман впереди стал светлее.

За ним находился огонь, прикрытый камнями и тканью.

Его почти не было видно с холма, но вблизи Натхор различил слабое красное мерцание.

Они подошли ещё на несколько шагов.

Из тумана вылетел камень.

Он ударил в землю рядом с ногами Сабефа.

— Не подходите! — крикнул женский голос.

Мужчины остановились.

— Мы пришли за водой, которую вы унесли, — ответил Хену.

— Уходите!

— Вы напали на нашего человека.

— Он жив?

Натхор слышал страх.

Не враждебность.

Страх человека, который не знал, насколько тяжёлым ока-

зался удар.

— Пока жив, — ответил Натхор. — Кто его ударил?

Из тумана никто не вышел.

— Мы не хотели, — произнёс тот же голос. — Он схватил сосуд.

— Потому что вы его украли, — сказал Хену.

— Вода не ваша.

— Источник нашли мы.

— Источник был в земле до вас.

Хену повернулся к Натхору.

— Слышишь? Именно так начинается грабёж. Сначала человек объявляет чужое общим.

— А ты вчера говорил, что всё найденное после Потопа принадлежит общине, — напомнил Кау.

— Нашей общине.

— Значит, дело не в правиле. Дело в том, кто его производит.

— Замолчи.

— Нет.

— Довольно, — сказал Натхор.

Он обратился к людям в тумане:

— Покажитесь. Мы не станем нападать.

— Почему должны верить?

Натхор не знал, что ответить.

Потому что он приказал своим людям не нападать?

Потому что считал себя справедливее Хену?

Потому что видел варианты будущего?

Ни одна из причин не могла стать доказательством для неизвестных.

Натхор медленно положил палку на землю.

Потом поднял пустые руки.

— Не должны. Но кто-то из вас кашляет. С нами есть женщина, которая умеет лечить.

— Где она?

— Осталась с человеком, которого вы ударили.

За туманом слышался шёпот.

Потом появились три фигуры.

Впереди стояла женщина лет тридцати. В руках она держала короткое копьё с металлическим наконечником. Волосы были обрезаны почти до плеч, а на лбу виднелся глубокий порез.

Рядом находился худой мужчина, поддерживавший мальчика. Ребёнок едва стоял. Его тело тряслось, губы посинели.

Третьей была девочка лет двенадцати. Именно она держала кожаный сосуд.

— Поставь воду на землю, — сказал Хену.

Девочка прижала сосуд к себе.

— Нет.

— Она украдена.

— В ней осталось меньше чаши.

— Поставь.

Женщина подняла копьё.

Сабеф снова сжал палку.

Натхор сделал шаг между ними.

— Как тебя зовут? — спросил он женщину.

Она не ответила.

— Меня зовут Натхор.

— Мне всё равно.

— Тогда скажи, как зовут мальчика.

Женщина посмотрела на ребёнка.

— Хесер.

Мальчик снова закашлялся. Из рта выступила тёмная слюна.

— Он пил воду Потопа? — спросил Натхор.

— Другой не было.

— Давно кашляет?

— Третий день.

— У нас есть чистая вода и лекарственные растения.

— Тогда дайте нам их.

— Вы ударили нашего человека, — сказал Хену. — И теперь требуете помощи?

Женщина повернулась к нему.

— Если бы у нас была вода, мы не пришли бы к вам.

— Вы могли попросить.

— Мы видели, как вы вчера дрались у источника.

Натхор почувствовал, как слова попали в каждого из них.

Неизвестные наблюдали.

Видели толпу, толкавшуюся из-за воды.

Слышали Хену, требовавшего подчинения.

Возможно, видели и Натхора, стоявшего перед людьми.

— Вы решили, что мы откажем, — сказал он.

— Мы решили, что вы заберёте всё, что у нас осталось.

— Что у вас осталось?

Женщина не ответила.

Чёрная пластина под одеждой внезапно нагрелась.

Натхор коснулся груди.

Женщина заметила движение.

— Что у тебя там?

— Камень.

— Покажи.

— Почему?

В её лице что-то изменилось.

— Если он чёрный и на нём есть линии, покажи.

Все замерли.

Натхор медленно достал пластину.

Девочка с сосудом вскрикнула.

Мужчина, поддерживавший Хесера, опустился на колени.

— Откуда она у тебя? — спросила женщина.

— Нашёл у воды.

— Неправда.

— Почему?

— Потому что такие камни не лежат на берегу.

— Этот лежал.

— Он должен быть в хранилище.

— В каком?

Женщина посмотрела за спину.

Туман немного рассеялся.

Теперь Натхор увидел их убежище.

Оно было устроено внутри огромного металлического кольца, наполовину погружённого в землю. К нему прислонили куски дерева и ткани, создав подобие стены.

За кольцом лежали люди.

Не воины.

Больные, раненые и дети.

Их было не меньше двадцати.

Несколько человек почти не двигались.

Рядом стояла прозрачная колонна, такая же, какую Натхор видел с холма. Внутри неё тускло светилась зелёная жидкость.

Чёрная пластина стала горячее.

Тонкие линии на её поверхности засветились.

Внутри металлического кольца что-то ответило слабым гулом.

Женщина отступила.

— Убери её.

— Почему?

— Она разбудит узел.

— Что за узел?

— Убери!

Натхор спрятал пластину.

Гул постепенно стих.

— Ты знаешь, что это такое, — сказал он.

— Знала моя мать.

— Где она?

Женщина посмотрела к убежищу.

На земле лежала пожилая женщина, накрытая тёмной тканью.

Натхор понял ответ.

— Как тебя зовут? — повторил он.

— Саирет.

Имя звучало непривычно. Не так, как имена людей из поселения Натхора.

— Вы пришли с запада?

Саирет вздрогнула.

— Откуда ты знаешь?

Перед глазами Натхора возникли кольца воды и башни.

— Я видел город.

— Какой?

— Землю, разделённую морем. Башни, соединённые светом. Людей на площадях.

Лицо Саирет побледнело.

— Нельзя говорить об этом здесь.

— Почему?

— Потому что сеть может слышать.

Хену усмехнулся.

— Сеть?

Саирет посмотрела на него с презрением.

— Ты ничего не понимаешь.

— Тогда объясни.

— Нет.

— Вы напали на нас, украли воду, а теперь отказываетесь говорить?

— Мы не просили вас приходить.

Мальчик Хесер пошатнулся.

Мужчина не удержал его, и ребёнок упал на колени.

Саирет бросила копье и подбежала к нему.

— Хесер!

Мальчик не отвечал.

Натхор опустился рядом.

— Ему нужна Мерит.

— Не трогай.

— Тогда он умрёт.

— Не трогай его!

Натхор убрал руки.

Это был её выбор.

Но ребёнок не мог выбирать сам.

Саирет трясла его за плечи.

— Хесер, открой глаза.

Мальчик не двигался.

— Если мы вернёмся к пещере сейчас, Мерит сможет по-мочь, — сказал Натхор.

Саирет подняла на него взгляд.

— А остальные?

— Что с ними?

— Они не смогут идти.

— Тогда Мерит придёт сюда.

Хену схватил Натхора за плечо и отвёл в сторону.

— Ты собираешься привести её к людям, которые едва не убили Неби?

— Здесь дети.

— Здесь может быть болезнь.

— Именно поэтому нужна Мерит.

— Они скрываются среди вещей, которые вызвали Потоп.

— Мы этого не знаем.

— Твоя пластина отозвалась на их убежище.

— Поэтому должны узнать больше.

— Некоторые вещи лучше оставить погребёнными.

Натхор посмотрел на него.

— Теперь ты говоришь как северные хранители.

— Я не видел твоих видений.

— Но повторяешь их слова.

Хену наклонился ближе.

— Ты готов подвергнуть опасности тридцать два человека ради тех, кто украл у нас воду.

— Нет. Я готов помочь больным, не приводя их в пещеру.

— А если болезнь заразна?

— Тогда Мерит решит, как действовать.

— Ты снова передаёшь решение другому, чтобы не отве-

чать самому.

Натхор почувствовал раздражение.

— Я не умею лечить.

— Зато умеешь рисковать чужими жизнями.

— А ты умеешь спасать людей, которым считаешь себя обязанным, и оставлять остальных умирать.

— Потому что невозможно спасти всех.

— Но можно не решать заранее, кто недостоин попытки.

Хену отпустил его.

— Когда твоя милость убьёт нас, ты вспомнишь этот разговор.

— А когда твой страх заставит тебя бросить ребёнка, ты вспомнишь его сам.

Они вернулись к остальным.

Саирет сидела рядом с Хесером.

Мальчик снова начал дышать, но сознание к нему не вернулось.

— Сабеф и Кау останутся здесь, — сказал Натхор. — Я вернусь за Мерит.

— Я не останусь без оружия, — ответила Саирет.

— Мы не просим тебя оставить копье.

— Хену идёт с тобой?

— Да.

Хену повернулся к нему.

— Я остаюсь.

— Почему?

— Кто-то должен следить за тем, что находится внутри кольца.

— Ты даже не знаешь, что там.

— Поэтому и остаюсь.

Натхор посмотрел на него.

Возможно, Хену хотел получить доступ к уцелевшим предметам.

Возможно, действительно опасался, что неизвестные активизируют древнюю систему.

Его намерения, как всегда, были смешаны.

— Не трогай ничего, — сказал Натхор.

— Опять приказ?

— Предупреждение.

— На каком основании?

Натхор достал пластину.

— На этом.

Хену посмотрел на неё и кивнул.

— Иди.

Натхор поднялся по склону быстрее, чем спускался.

Туман начал редеть. На востоке появилась тонкая полоса света.

Когда он достиг пещеры, люди встретили его вопросами.

— Сколько их?

— Они идут сюда?

— Кто ударил Неби?

— Вернули воду?

Мерит поднялась от лежавшего охотника.

— Он очнулся на несколько мгновений, — сказала она.

— Не помнит удара. Кость, похоже, цела.

— Внизу больные.

— Сколько?

— Около двадцати. Несколько детей. Один мальчик без сознания, кашляет кровью.

— Они пили грязную воду?

— Да.

— Есть жар?

— У некоторых.

Мерит уже собирала ткани, чаши и найденные листья.

— Ты пойдёшь? — спросил Натхор.

Она посмотрела на него.

— Зачем ещё ты вернулся?

— Болезнь может быть заразной.

— Может.

— Ты не боишься?

— Боюсь.

— Но пойдёшь.

— Да.

— Почему?

— Потому что страх не умеет лечить.

Тиа подошла к ним.

— Возьмите две чаши и воду.

— У нас мало, — сказал мужчина у источника.

— Внизу её ещё меньше, — ответила Тиа.

— Они украли у нас.

— Поэтому мы будем считать отданное. Не делать вид, что его не было.

Она провела новые линии на камне.

— Шесть чаш для больных другой группы.

— Кто это решил? — спросил тот же мужчина.

— Я.

— Ты одна из троих, но не все трое здесь.

— Мерит согласна.

Мерит кивнула.

— А Сабеф внизу.

— Значит, двое решили за троих?

Тиа посмотрела на Натхора.

Первое правило уже столкнулось с обстоятельством, которого никто не предусмотрел.

— Вечером мы обсудим, что делать, когда трое разделены,

— сказала она. — А сейчас дети ждать не могут.

— Вы сами нарушаете собственный порядок.

— Нет. Мы обнаружили, что он неполон.

Ответ не удовлетворил мужчину.

Но он отступил.

Натхор и Мерит снова спустились в низину.

С рассветом равнина выглядела ещё страшнее.

Там, где ночью были только тени, теперь лежали останки огромных сооружений.

Часть металлического кольца уходила глубоко под землю.

Из ила выступали гладкие каменные блоки, соединённые без видимых швов.

На одном из них сохранялся рисунок: три звезды в ряд и яркая точка ниже.

Такой же знак был на пластине Натхора.

Он остановился.

— Что? — спросила Мерит.

Натхор указал на рисунок.

— Это не случайные линии.

— Ты уже знал.

— Чувствовал.

— Теперь знаешь немного больше.

— Но не понимаю.

— Значит, ещё не время делать вывод.

Они вошли в убежище.

Запах болезни ударил сразу.

Грязная вода, пот, кровь и сырой металл.

Мерит закрыла рот тканью.

— Никому не приближаться без необходимости, — сказала она. — Больных с кашлем перенести дальше от остальных. Посуду не смешивать. Воду кипятить.

Саирет нахмурилась.

— Зачем?

— Потому что болезнь может переходить через дыхание, воду или прикосновение.

— Ты знаешь какую именно?

— Нет.

— Тогда почему приказываешь?

Мерит посмотрела на неё.

— Потому что это меры, которые уменьшают риск при многих болезнях. Ты можешь отказаться. Но тогда я не смогу отвечать за то, что произойдёт.

Саирет некоторое время молчала.

— Делайте, как она говорит.

Натхор заметил, что Мерит не просила общего решения.

Она обладала знанием, необходимым в данный момент, и открыто назвала границы этого знания.

Не сказала, что говорит от имени богов.

Не обещала спасения.

Не скрывала опасность.

Возможно, именно так и должна была выглядеть власть, не превращающаяся в подчинение.

Мерит опустилась возле Хесера.

Мальчик был слишком горячим. Кашель рвал его грудь, но теперь он хотя бы открывал глаза.

— Сколько ему лет?

— Семь, — ответила Саирет.

— Есть рвота?

— Была.

— Судороги?

— Один раз ночью.

— Что он ел?

— Ничего со вчерашнего дня.

— Он будет пить маленькими глотками.

— У нас почти нет воды.

— Мы принесли.

Саирет посмотрела на кожаный сосуд, стоявший у стены.

— В нём ещё немного.

— Эта вода чистая?

— Из вашего источника.

— Почему вы не попросили?

Саирет отвернулась.

— Потому что моя мать однажды попросила воду у западных стражей.

— Что произошло?

— Они дали её. А потом забрали брата в счёт долга.

— Давно?

— До большой волны.

— Ваше поселение находилось на Западе?

— Мы жили на внешнем берегу.

— Земля Девяти колец?

Саирет резко посмотрела на Натхора.

— Кто произнёс это название?

— Никто. Я видел кольца.

— Ты не мог их видеть.

— Почему?

— Потому что город ушёл под воду до того, как волна до-

стигла этих земель.

— Тогда кто вы?

— Те, кого не пускали внутрь.

В её голосе не было гордости.

Только старая обида.

— Мы выращивали пищу для западного города, — продолжила Саирет. — Жили за третьим каналом. Нам разрешалось входить только по знаку работы. Когда начались толчки, внутренние ворота закрыли.

Натхор вспомнил северные двери.

Но теперь закрытыми оказались и двери Запада.

— Почему?

— Внутри говорили, что внешние люди принесут страх и нарушат общее поле.

— Какое поле?

Саирет посмотрела на прозрачную колонну.

— То, что соединяло мысли.

Хену стоял рядом.

— Значит, Натхор говорил правду.

— О чём?

— Ваши правители управляли людьми через башни.

Саирет покачала головой.

— Не всеми. Только теми, кто соглашался войти в поле.

— Они могли выйти?

— Сначала.

— А потом?

Она не ответила.

— Ты видишь, — сказал Хену Натхору. — Даже их собственные потомки подтверждают.

— Подтверждают часть.

— Какой ещё части тебе не хватает?

— Почему люди соглашались войти.

Саирет посмотрела на него.

— Потому что внутри поля исчезал страх.

— И боль?

— Иногда.

— И сомнение?

— Да.

— И желание спорить?

— Да.

— Значит, человек становился счастливее.

— Многие так считали.

— А ты?

— Моя мать говорила, что счастье, которое нельзя покинуть, становится клеткой.

Натхор вспомнил площадь.

Теперь он видел её иначе.

Возможно, не всех людей заставляли.

Многие сами выбрали покой.

А потом однажды обнаружили, что уже не могут выбрать ничего другого.

Мерит дала Хесеру воду.

— Здесь есть ещё дети с такими симптомами?

— Двое.

— Приведи их.

Саирет позвала девочку, державшую сосуд.

— Иара, найди Нему и маленького Техи.

Девочка кивнула.

Натхор посмотрел на неё.

— Ты ударила Неби?

Иара остановилась.

Саирет встала между ними.

— Она защищала воду.

— Я спрашиваю её.

Девочка не подняла глаз.

— Он схватил сосуд.

— Ты ударила его камнем?

— Я хотела, чтобы он отпустил.

— Ты могла убить.

— А Хесер мог умереть без воды.

— Это не отменяет того, что ты сделала.

Иара сжала кулаки.

— Что вы со мной сделаете?

Хену ответил первым:

— Пойдёшь с нами. Общине решать наказание.

Саирет подняла копье.

— Она никуда не пойдёт.

Сабеф шагнул вперёд.

— Она ударила нашего человека.

— Она ребёнок.

— Ребёнок способен убить так же, как взрослый.

— Довольно, — сказал Натхор.

Он посмотрел на Иару.

— Ты знала, что удар можешь убить его?

— Нет.

— Теперь знаешь?

Девочка кивнула.

— Ты готова посмотреть ему в лицо, когда он очнётся?

Иара побледнела.

— Зачем?

— Чтобы увидеть не только причину своего поступка, но и его последствия.

Хену усмехнулся.

— И это всё наказание?

— Я не сказал, что это всё.

— Тогда что ещё?

Натхор не знал.

Первое правило касалось власти.

Но у них не было правила о вреде, причинённом другому.

Не было суда.

Не было установленного наказания.

Если они сейчас накажут Иару по воле Хену или Натхора, то снова позволят одному человеку решать судьбу другого.

Если не сделают ничего, нападение останется без послед-

ствий.

— Вечером обе группы должны решить, что она может сделать для Неби и общины, — сказал Натхор.

— Обе? — спросил Хену.

— Она принадлежит своей группе. Пострадал человек из нашей. Решение касается всех.

— Ты превратишь наказание в торг.

— А ты хочешь превратить его в месть.

— Я хочу, чтобы следующий человек боялся поднимать камень.

— Страх остановит его, пока он уверен, что будет пойман.

— А что остановит без страха?

Натхор посмотрел на Иару.

— Понимание того, кому он причиняет вред.

Хену покачал головой.

— Ты слишком много ждёшь от людей.

— А ты слишком мало.

К середине дня состояние Хесера улучшилось.

Он открыл глаза и попросил воды.

Мерит не позволила дать ему больше нескольких глотков.

Саирет спорила, но подчинилась.

Другие больные оказались в разном состоянии.

У двоих был сильный жар.

У женщины по имени Нема на ноге началось воспаление.

Старик лежал без сознания и, по словам Мерит, мог не пережить ночь.

Но не все жители убежища были больны.

Несколько мужчин и женщин уже исследовали обломки вокруг металлического кольца.

Они собирали небольшие пластины, прозрачные камни и куски металла.

— Для чего? — спросил Сабеф.

— Некоторые ещё работают, — ответила Саирет.

— Что они делают?

— Нагревают воду. Дают свет. Иногда открывают закрытые помещения.

— А оружие?

Саирет промолчала.

Хену заметил это.

— Значит, есть.

— Было.

— Где?

— Под водой.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что моя мать видела, как с его помощью сожгли целое поле.

Натхор подошёл ближе.

— Кто?

— Стражи Запада.

— Зачем?

— На поле скрывались люди, отказавшиеся входить в общее сознание.

Все замолчали.

— Их сожгли за отказ? — спросил Кау.

— Сказали, что они распространяют страх.

— Поэтому их убили?

— Сказали, что страх разрушит сеть и погубит город.

Натхор почувствовал холод.

Каждая система находила слово, которым оправдывала насилие.

Порядок.

Безопасность.

Спасение.

Священная воля.

Неизменным оставалось только одно: кто-то решал, что другой человек больше не имеет права выбирать.

— Покажи хранилище, — сказал он.

Саирет напряглась.

— Зачем?

— Пластина отзывалась на него.

— Именно поэтому не покажу.

— Тогда мы не узнаем, что здесь может проснуться.

— И не разбудим.

— Ты уже собираешь работающие предметы.

— Те, которые знала моя мать.

— А если она ошибалась?

— Она родилась на Западе.

— Это не делало её всезнающей.

Саирет посмотрела на Мерит.

— Он всегда так говорит?

— Обычно дольше.

Несколько человек впервые улыбнулись.

Напряжение немного ослабло.

— Хранилище под кольцом, — сказала Саирет. — Вход завален. Мы нашли щель, но открыть дверь не смогли.

— Пластина может быть ключом, — произнёс Хену.

— Или сигналом, — ответил Натхор.

— Ты боишься её использовать?

— Да.

— Тогда зачем принёс?

— Я не знал, куда она ведёт.

— Теперь знаешь.

— Нет. Теперь знаю только, что она связана с этим местом.

Хену повернулся к Саирет.

— Что хранится внутри?

— Семена.

— Только семена?

— Так говорила мать.

— Зачем западному городу подземное хранилище семян?

— На случай гибели урожая.

— Или всего мира, — сказал Натхор.

Саирет посмотрела на него.

— Мать говорила, что такие хранилища были во всех

внешних землях. Западные владыки боялись, что однажды климат изменится.

— Они знали о возможной катастрофе?

— Возможно.

Натхор почувствовал гнев.

Если Запад знал, что его системы способны вызвать разрушение, почему продолжал?

Но потом вспомнил, как сам позволил людям остаться у источника, хотя видел множество опасных линий будущего.

Знание возможности ещё не означает веру в то, что она станет реальностью.

Люди всегда считали худший путь тем, который выберет кто-то другой.

— Покажи вход, — сказал Натхор.

Под металлическим кольцом находилась узкая полость.

Чтобы добраться до неё, пришлось убрать несколько камней и вычерпать грязную воду.

В глубине обнаружилась гладкая чёрная дверь.

На её поверхности был тот же знак.

Три точки в линию.

Одна яркая ниже.

Натхор достал пластину.

Она нагрелась настолько, что стало больно держать.

— Не приближай, — сказала Саирет.

— Если дверь откроется, мы сразу отойдём.

— А если выпустит то, что убило город?

— Тогда мы должны быть готовы закрыть её.

— Чем?

Никто не ответил.

Хену протянул руку.

— Дай пластину мне.

— Нет.

— Ты сам не решаешься.

— Поэтому и не отдам человеку, который уже решил.

— Мы теряем время.

— Семена пролежали там дольше, чем мы способны представить. Они подождут ещё день.

— Люди наверху голодают.

— И именно голод заставляет нас считать любой риск допустимым.

Сабеф опустилсся у двери.

— Можно открыть её без пластины?

— Мы пытались, — сказала Саирет.

— Ломали?

— Нет.

— Почему?

— Мать запретила.

Хену рассмеялся.

— Значит, ты тоже исполняешь запрет мёртвого хранителя.

Саирет посмотрела на него.

— Моя мать знала эти вещи.

— И не объяснила тебе.

— Не успела.

— Или решила, что ты не готова.

Слова задела её.

Натхор увидел, как спор повторяется снова.

Каждый человек осуждал закрытые двери, пока сам не оказывался хранителем чего-то опасного.

— Мы не откроем хранилище сегодня, — сказал Натхор.

— Ты решаешь за всех? — спросил Хену.

— Нет. Я предлагаю вернуть вопрос обеим группам.

— Люди, которые не видели дверь, будут решать, открывать ли её?

— Мы расскажем всё, что знаем.

— Они не поймут опасности.

— Тогда объясним.

— Некоторые не способны понять.

— Это ты решишь?

Хену отвернулся.

До вечера две группы работали рядом.

Люди из пещеры принесли часть чистой воды.

Выжившие с Запада показали, где среди обломков находили съедобные корни.

Мерит отделила больных и приказала сжечь пропитанные грязью ткани.

Тиа пришла в низину вместе с несколькими женщинами и начала считать людей второй группы.

Их оказалось двадцать три.

Семь детей.

Пять тяжело больных.

Трое раненых.

Запасов пищи почти не было.

Когда Тиа закончила, Саирет спросила:

— Зачем ты отмечаешь нас на своём камне?

— Чтобы знать, сколько воды и еды потребуется.

— Мы не часть вашей общины.

— Пока нет.

— Тогда считай отдельно.

Тиа провела между линиями глубокую черту.

— Отдельно.

— И что это меняет?

— Теперь видно, сколько получили вы и сколько мы.

Саирет посмотрела на знак.

— На Западе тоже всё считали.

— И что?

— Сначала количество зерна. Потом рабочие дни. Потом слова против общего поля. Потом мысли, которые считались опасными.

Тиа опустила обугленную ветку.

— Значит, дело не в счёте.

— А в чём?

— В том, что происходит после него.

Она добавила рядом новый знак.

— Поэтому каждый должен видеть, что именно мы считаем.

К закату обе группы собрались между металлическим кольцом и чёрной землёй.

У костра сидело больше пятидесяти человек.

Ещё утром они не знали о существовании друг друга.

Теперь им предстояло решить, что делать с водой, Иарой, больными и закрытым хранилищем.

Первым заговорил Хену.

Он рассказал о нападении на Неби и потребовал, чтобы Иара была передана общине Натхора.

Саирет отказалась.

— Она ударила его, спасая ребёнка.

— Причина не отменяет поступка.

— Тогда накажите и вашего человека за то, что схватил сосуд.

Сабеф встал.

— Неби дежурил у источника.

— Значит, мог убить любого, кто подошёл?

— Он никого не убил.

— Потому что Иара ударила первой.

Люди начали кричать.

Натхор почувствовал, как спор снова превращается в две стены.

Каждая защищала своих.

Никто не пытался увидеть всё событие целиком.

Он поднял руку, но голоса не стихли.

Тогда Иара сама вышла в центр.

Девочка выглядела меньше, чем ночью.

— Я пойду к нему, — сказала она.

Саирет схватила её за плечо.

— Нет.

— Я ударила.

— Чтобы спасти Хесера.

— Но ударила Неби.

— Они заберут тебя.

— Тогда не позволяй.

Иара посмотрела на Натхора.

— Я могу помочь ему?

— Сейчас ему нужны покой и лечение.

— Тогда что мне сделать?

Натхор не знал готового ответа.

Мерит подошла к девочке.

— Когда Неби сможет говорить, ты расскажешь ему, что произошло.

— А потом?

— Он скажет, какой вред ты ему причинила.

— Он решит наказание?

— Нет. Но без него мы не должны решать, как исправить сделанное.

Хену поднялся.

— Пострадавший не всегда способен быть справедливым.

— Поэтому решение примет не он один, — ответила Мерит.

— Снова трое?

— Возможно.

Тиа провела на камне новый знак.

— Запишем, что произошло. Не обвинение. Событие.

— Какая разница? — спросила Саирет.

— Обвинение уже говорит, кто виноват. Событие говорит, что сделал каждый.

Тиа произнесла вслух:

— Иара взяла воду без разрешения. Неби попытался остановить её. Иара ударила его камнем. Неби получил рану. Вода была доставлена больному Хесеру.

— Добавь, что без воды Хесер мог умереть, — сказала Саирет.

Тиа сделала ещё одну черту.

— Добавила.

— И что теперь?

— Теперь видно всё, что мы знаем.

Натхор посмотрел на знаки.

Так могла родиться письменность.

Не для приказов богов.

Не для прославления царей.

Сначала — чтобы люди не могли выбросить из памяти ту часть события, которая им не нравилась.

— До выздоровления Неби Иара останется со своей группой.

пой, — сказал Натхор. — Каждый день она будет приносить воду для него и помогать Мерит ухаживать за больными. Когда Неби сможет говорить, обе группы вернутся к этому вопросу.

— Это не наказание, — возразил Хену.

— Это ответственность.

— Она должна бояться повторить.

Иара подняла голову.

— Я уже боюсь.

В её голосе не было вызова.

Хену замолчал.

Потом заговорили о хранилище.

Саирет рассказала о семенах.

Люди сразу потребовали открыть дверь.

— Мы голодаем.

— Семена можно съесть.

— Или посадить.

— Что посадить в грязи?

— Вода всё равно вернётся.

— А если не вернётся?

— В хранилище может быть не пища, а оружие.

— Тогда пусть Натхор посмотрит.

— Почему только он?

Голоса снова смешались.

Натхор слушал.

Люди были готовы открыть неизвестное хранилище, по-

тому что видели в нём еду.

Страх перед опасностью отступал перед голодом.

Хену считал, что решение должны принять знающие.

Но знающих не осталось.

Саирет доверяла словам матери, но сама не понимала устройства.

Натхор обладал пластиной и видениями, но не был уверен в их смысле.

Свобода выбора не означала, что все решения равно мудры.

Но и знание не давало человеку безусловного права выбирать за остальных.

— Откроем только внешнюю дверь, — предложил он. — Никто не входит внутрь. Пластину держу я. Если появится свет, гул или тепло, сразу отходим.

— А если дверь не закроется? — спросила Мерит.

— Тогда не будем приближать пластину полностью.

— Ты не знаешь, как она работает.

— Нет.

— И всё равно готов попробовать.

— Да.

— Почему?

Натхор посмотрел на людей.

— Потому что внутри могут быть семена, а мы уже почти не имеем пищи. Но каждый должен знать: это риск, последствия которого неизвестны.

— Кто отвечает, если погибнут люди? — спросил Хену.

— Я.

— Ты не сможешь вернуть мёртвых.

— Ответственность не означает способность отменить последствия.

— Тогда что она означает?

— Что я не назову произошедшее волей богов.

Некоторое время никто не говорил.

Решение приняли не все.

Несколько человек ушли подальше от кольца.

Матери увели детей.

Мерит приказала перенести больных на склон.

У двери остались Натхор, Саирет, Хену, Сабеф и Тиа.

— Зачем ты? — спросил Хену у пожилой женщины.

— Чтобы записать, что произойдёт.

— Если мы погибнем, читать будет некому.

— Тогда камень всё равно останется.

Натхор достал пластину.

Она сразу нагрелась.

Знак на двери ответил слабым светом.

Он медленно приблизил чёрный камень.

Сначала ничего не произошло.

Потом внутри земли раздался низкий звук.

Саирет отступила.

Хену остался на месте.

Светящиеся линии побежали по двери.

Три точки загорелись одна за другой.

Четвёртая вспыхнула ярче.

Натхор увидел видение.

Зал, уходящий глубоко под землю.

Ряды прозрачных сосудов.

В каждом — семена.

Люди в белых одеждах запечатывали двери.

На стене горела карта Земли.

Западные острова.

Северная земля.

Долина большой реки.

Высокие горы на востоке.

Перед закрытием один из хранителей поместил чёрную пластину в углубление.

Но это была не та пластина, которую держал Натхор.

Таких пластин было много.

Он увидел, как их передавали людям, отправлявшимся в разные земли.

Не оружие.

Ключи.

И одновременно карты.

Видение изменилось.

Некоторые хранилища открывали слишком рано.

Семена съедали.

Другие захватывали правители.

Третьи оставались закрытыми тысячелетиями, пока зна-

ние об их назначении не исчезало.

Натхор услышал голос.

Сохранить — не значит спрятать навсегда.

Он открыл глаза.

Дверь сдвинулась на ширину ладони.

Из щели вышел сухой холодный воздух.

Никакого дыма.

Никакого света.

Только запах камня и давно закрытого пространства.

— Достаточно, — сказала Мерит с расстояния.

Натхор убрал пластину.

Дверь остановилась.

Сабеф вставил в щель деревянный клин.

— Загляну, — сказал он.

— Не входи, — предупредил Натхор.

Сабеф поднёс к щели факел.

Внутри виднелась короткая лестница.

Внизу стояли прозрачные сосуды.

— Она говорила правду, — произнёс он. — Там семена.

Люди закричали от радости.

Некоторые бросились к двери.

Хену и Кау остановили их.

— Назад! — крикнул Хену. — Никто не входит!

На этот раз его приказ спас порядок.

Люди остановились.

Натхор посмотрел на старика.

Хену заметил это.

— Иногда нужен голос, который не предлагает обсудить,

— сказал он.

— Иногда.

— Запомни.

— Запомню и то, что потом этот голос должен объяснить свой приказ.

Хену усмехнулся.

— Объясняю. Если все войдут, затопчат друг друга и разобьют сосуды.

— Хорошее объяснение.

— Мне не требуется твоё одобрение.

— Но людям требуется понимать.

Тиа добавила новые знаки на камень.

На следующий день они открыли дверь шире.

В хранилище вошли только Натхор, Саирет, Тиа и Сабеф.

Внутри было сухо.

Стены покрывали тонкие линии и изображения растений.

Сосуды стояли рядами.

В некоторых лежали крупные зёрна.

В других — мелкие чёрные семена.

На каждом сосуде был знак.

Тиа медленно проходила вдоль рядов.

— Мы не знаем, что из этого можно есть.

— И что можно выращивать здесь, — добавил Сабеф.

Саирет коснулась одного из изображений.

— Мать знала несколько знаков.

— Какие?

— Зерно. Боб. Лён. Лекарственные травы.

Она указала на сосуд с длинным золотистым семенем.

— Это должно быть зерно.

— Должно? — переспросил Натхор.

— Я видела его раньше.

— Где?

— На поле до Потопа.

— Тогда возьмём немного.

— Почему немного? — спросил Сабеф. — Люди голодны.

— Потому что если съедем всё, получим пищу на несколько дней. Если часть прорастёт, получим поле.

— Если прорастёт.

— Да.

Сабеф посмотрел на ряды сосудов.

— Трудно оставить еду на будущее, когда живот пуст.

— Именно поэтому хранилище было закрыто.

— Значит, западные хранители были правы?

Натхор задумался.

— Они были правы, что семена нужно сохранить. Но это не значит, что только они имели право решать, кто будет есть.

Они вынесли один небольшой сосуд.

Когда люди увидели зерно, спор начался снова.

Часть требовала сварить его немедленно.

Другие предлагали разделить между детьми.

Третьи хотели оставить всё для посева.

Хену выступил за полный запрет на употребление семян.

— Это основа будущего урожая.

— До урожая многие не доживут, — возразила Саирет.

— Тогда тем более нельзя тратить семена на тех, кто всё равно умрёт.

Мерит подняла на него взгляд.

— Скажи это больным в лицо.

— Я говорю о выживании большинства.

— Большинство состоит из отдельных людей.

— Ты не можешь лечить всех.

— Поэтому я выбираю тех, кого могу спасти. Но не объявляю остальных бесполезными.

Натхор слушал.

Перед ним снова возникли линии будущего.

В одной все семена съедали. Несколько недель люди жили лучше, а потом голод возвращался.

В другой семена полностью сохраняли. Несколько слабых умирали, но весной появлялось поле.

В третьей семена распределяли поровну между едой и посевом. Для урожая оставалось слишком мало, а голод всё равно не прекращался.

Ни одна возможность не была хорошей.

Тогда Натхор понял, что искал не тот ответ.

Он пытался выбрать идеальную линию.

Но её не существовало.

Каждое решение имело цену.

Вопрос заключался в том, готовы ли люди увидеть её заранее.

— Разделим семена на три части, — сказал он.

Хену раздражённо вздохнул.

— Ты снова очарован числом три?

— Нет. Первая часть останется запечатанной. Если посев погибнет, у нас будет запас.

— Разумно, — сказала Тиа.

— Вторую посадим.

— А третью? — спросила Саирет.

— Используем для пищи больным и детям.

Хену покачал головой.

— Ты ослабишь будущий урожай.

— Возможно.

— Ради тех, кто может умереть до него.

— Да.

— Это неразумно.

— Это цена, которую я готов назвать.

— А остальные?

Натхор посмотрел на людей.

— Решать им.

Обсуждение продолжалось до вечера.

Впервые Натхор не пытался убедить всех в правильности своего предложения. Он объяснял последствия каждого ва-

рианта.

Хену делал то же самое.

Мерит говорила о состоянии больных.

Тиа отмечала, сколько зерна потребуется для каждой части.

Саирет рассказывала, как его выращивали до Потопа.

В конце большинство поддержало разделение.

Несколько человек были против.

Их несогласие не исчезло после решения.

Но они знали, почему оно принято и кто его поддержал.

На следующий день вода отступила ещё дальше.

Под ней открылась широкая полоса чёрного ила.

Он был мягким, тяжёлым и пах не смертью, а влажной землёй.

Саирет взяла горсть в ладони.

— На Западе после разливов сеяли в такую почву.

— Без обработки? — спросил Сабеф.

— Сначала делали борозды.

Натхор опустил на колени.

Он коснулся земли.

Видение пришло сразу.

Корни уходили в чёрный слой.

Зелёные побеги поднимались к солнцу.

Вода текла по узким каналам.

Люди отмечали высоту разлива на каменных столбах.

Поля расширялись вдоль великой реки.

Натхор увидел землю, которую однажды назовут Чёрной.

Не потому, что она несла смерть.

Потому что из неё возвращалась жизнь.

— Здесь, — сказал он.

Сабеф оглядел низину.

— Вода может вернуться.

— Вернётся.

— Тогда смоем семена.

— Не вся вода приходит одинаково.

— После того, что мы видели, ты ещё доверишься воде?

Натхор провёл пальцами по илу.

— Вода разрушила наш мир. Но без неё нового не будет.

Они сделали первые борозды.

Не храмовые служители.

Не цари.

Не боги.

Голодные люди, не знавшие, доживут ли до урожая.

Тиа считала семена.

Саирет показывала глубину.

Сабеф и Кау прокладывали узкие каналы.

Мерит принесла Нефру к полю, когда жар у девочки снизился.

Иара несла воду для Неби.

Он уже мог сидеть, хотя голова всё ещё болела.

Девочка остановилась перед ним.

— Я ударила тебя.

Неби посмотрел на неё.

— Знаю.

— Я думала, ты заберёшь воду.

— Я собирался.

— Хесер мог умереть.

— Я не знал о Хесере.

— Я не сказала.

— Ты ударила быстрее.

Иара опустила глаза.

— Ты хочешь, чтобы меня наказали?

Неби долго молчал.

— Хочу, чтобы следующий раз ты сначала крикнула.

— А если не остановишься?

— Тогда бей слабее.

Он улыбнулся, но сразу поморщился от боли.

Иара не улыбнулась.

— Я буду приносить тебе воду, пока не сможешь сам.

— Это решение Натхора?

— Моё.

Натхор услышал разговор, но не вмешался.

В тот вечер в чёрную землю легли первые семена.

Никто не знал, взойдут ли они.

Никто не знал, не вернётся ли большая вода.

Никто не мог обещать урожай.

И всё же люди поставили возле поля дежурных.

Не для защиты от воров.

Чтобы следить за уровнем воды и птицами.

Через несколько дней две группы всё ещё жили отдельно.

Одни — у пещеры.

Другие — возле металлического кольца.

Но воду распределяли из одного источника.

Хранилище оставалось открытым только на ширину человеческого тела. Каждый вынесенный сосуд Тиа отмечала на камне.

Хену потребовал назначить постоянных хранителей.

Саирет согласилась, но настояла, чтобы среди них были люди из обеих групп.

Натхор предложил менять их каждые три дня.

Никто не был полностью доволен.

Поэтому решение оказалось пригодным.

На шестое утро Хори разбудил Натхора криком.

— Иди скорее!

Мальчик тянул его за руку.

— Что произошло?

— Земля!

Натхор поднялся и побежал к полю.

У первой борозды уже стояли люди.

Мерит опустилась на колени.

Саирет закрыла рот ладонью.

Из чёрного ила поднимался тонкий зелёный росток.

Он был едва заметен.

Слабый.

Почти прозрачный на рассветном свету.

Рядом показался второй.

Потом третий.

Люди молчали.

После Потопа они видели много воды.

Много мёртвых тел.

Много разрушений.

Но впервые увидели, как из оставленной катастрофой земли рождается жизнь.

Хори протянул руку.

— Не трогай, — сказал Хену.

Мальчик сразу отдёрнул пальцы.

Натхор посмотрел на старика.

— Почему?

— Он может сломать росток.

— Объясни ему.

Хену нахмурился.

Потом присел рядом с Хори.

— Здесь внутри будущий колос. Пока стебель слабый. Если сломаешь, зерна не будет.

Мальчик кивнул.

— Я могу смотреть?

— Можешь.

Натхор увидел, как Хену сам удивился собственному ответу.

Он не просто запретил.

Он объяснил.

Может быть, люди менялись медленнее, чем хотелось.

Но менялись.

Натхор коснулся чёрной пластины.

Она оставалась холодной.

На этот раз видение не потребовалось.

Будущее лежало перед ним в виде маленького зелёного ростка.

Не обещание.

Не пророчество.

Последствие множества решений.

Хороших и ошибочных.

Свободных и вынужденных.

Люди разделили воду.

Открыли хранилище.

Не съели все семена.

Не сохранили все семена.

Посеяли, не зная результата.

Так создавалась реальность.

Не одной великой волей.

Тысячами выборов, каждый из которых казался слишком малым, чтобы изменить мир.

К вечеру Натхор поднялся на холм.

С вершины он видел пещеру, металлическое кольцо, источник и первые борозды на чёрной земле.

Две группы постепенно становились одной.

Не потому, что забыли свои различия.

Потому что теперь их связывало будущее, которого ещё не существовало.

Мерит подошла к нему.

— Нефру попросила еды.

— Значит, ей лучше.

— Да.

— А Хесер?

— Тоже очнулся. Его кашель остаётся тяжёлым.

— Ты спасла их.

— Пока нет.

— Но дала возможность.

— Это ближе к правде.

Они посмотрели на поле.

— Как назовём эту землю? — спросила Мерит.

— Зачем ей имя?

— Чтобы отличать от камней, песка и старого берега.

Натхор вспомнил чёрный ил на ладонях.

— Чёрная земля.

— Не слишком радостное название.

— Именно она вернула нам зелёный цвет.

Мерит улыбнулась.

— Тогда подходит.

На востоке появлялись первые звёзды.

Сириус ещё не взошёл, но Натхор чувствовал его приближение.

Чёрная пластина слегка нагрелась.

Он достал её.

На поверхности снова появилась тонкая светящаяся линия.

Но теперь она указывала не к металлическому кольцу.

Она тянулась дальше на восток.

За затопленные равнины.

К реке из его видений.

Рядом с линией появился новый знак.

Фигура, похожая на птицу с распростёртыми крыльями.

Или на женские руки, охватывающие звезду.

— Она зовёт тебя? — спросила Мерит.

— Возможно.

— Куда?

Натхор посмотрел на восток.

Он увидел широкую реку.

Белый храм.

Женщину с коровьими рогами и солнечным диском.

За её спиной сияла звезда.

— К той, которую я уже видел.

— Ты знаешь её имя?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что это женщина?

Натхор закрыл глаза.

Внутри прозвучал звук.

Не слово.

Скорее мелодия, которую его душа помнила раньше, чем научилась говорить.

Хат.

Хор.

Два звука соединились.

Но имя ещё не открылось полностью.

— Она хранит память о том, кем я был, — сказал Натхор.

— А ты готов её вернуть?

Перед глазами возникли западные башни.

Северные двери.

Земля, разорванная двумя ударами.

— Не знаю.

— Тогда не спеши.

— Люди могут ждать?

Мерит посмотрела на ростки внизу.

— Семена не растут быстрее оттого, что ты смотришь на них всю ночь.

Натхор улыбнулся.

— Ты сравнила меня с семенем?

— Нет. Семя меньше спорит.

Она пошла к пещере.

Натхор остался на холме.

Внизу люди закрывали хранилище.

Тиа отмечала последние чаши воды.

Иара сидела рядом с Неби.

Хену объяснял Хори, почему нельзя ходить по бороздам.

Саирет смотрела на запад, где под водой лежала её погибшая родина.

Натхор поднял пластину к небу.

Он всё ещё не знал настоящего имени западного мира.

Не знал имени северной земли.

Не понимал, почему его душа помнила их гибель.

Но теперь перед ним находилось не только прошлое.

Из чёрной земли поднималось будущее.

И впервые после Потопа оно было зелёным.

Глава четвёртая. Голос звезды

Первые ростки изменили людей сильнее, чем найденное хранилище.

Семена можно было пересчитать. Разделить. Запечатать в прозрачных сосудах и поставить возле двери стражу.

Ростки нельзя было заставить появиться.

Они поднялись из чёрной земли сами — тонкие, слабые, почти бесцветные. Каждое утро люди приходили к бороздам и проверяли, не исчезли ли они за ночь.

На третий день зелёных стеблей стало больше.

На пятый Хори обнаружил новый росток там, где никто ничего не сеял. Он позвал Хену и долго доказывал, что это зерно само выбрало место.

Старик объяснял ему, что семя могло упасть из ладони Тиа.

— Тогда оно всё равно выбрало, где упасть, — упрямо сказал мальчик.

Хену хотел возразить, но передумал.

— Пусть будет так.

Люди постепенно привыкали просыпаться не только от страха.

У них появилась работа, которую можно было продолжить на следующий день.

Сабеф укреплял канавы вокруг поля. Саирет учила жен-

щин отличать съедобные корни от тех, после которых начинались судороги. Мерит лечила больных обеих групп. Тиа переносила знаки с одного камня на другой, создавая всё более сложную систему учёта.

Натхор наблюдал.

Две общины ещё не стали одной.

Люди из пещеры называли выживших Саирет западными.

Западные называли остальных горными.

Они брали воду из одного источника, но разводили отдельные костры. Хранилище охраняли по очереди. Даже дети играли рядом, не смешиваясь до конца.

Иара каждый день приносила воду Неби.

Сначала молча.

Потом стала садиться неподалёку и ждать, пока он выпьет.

На шестой день Неби попросил её подать палку.

— Зачем?

— Хочу попробовать встать.

— Мерит запретила.

— Мерит запрещает всё, что человек хочет сделать слишком рано.

— Тогда не буду.

— Я пошутил.

Иара не поняла.

Неби вздохнул.

— Подай палку.

— Нет.

— Почему?

— Потому что Мерит запретила.

— Теперь ты решила исполнять все правила?

— Только те, которые объяснили.

Натхор услышал их разговор и улыбнулся.

Но чувство тревоги не исчезало.

Каждую ночь чёрная пластина нагревалась.

Сначала только при появлении Сириуса. Потом раньше — ещё до того, как яркая звезда поднималась над горизонтом.

Тонкая линия на поверхности продолжала указывать на восток. Знак, похожий на распростёртые крылья, становился всё яснее.

Иногда Натхору казалось, что пластина дрожит.

Он прикладывал её к уху, но слышал лишь собственную кровь.

На восьмую ночь пришёл сон.

Натхор стоял посреди бесконечной воды.

Под ногами не было земли, но он не тонул.

Небо казалось чёрным, и только одна звезда сияла над горизонтом.

Её свет ложился на воду длинной белой дорогой.

Натхор пошёл по ней.

С каждым шагом звезда становилась ярче.

В её свете возникла женская фигура.

Сначала Натхор увидел только глаза. Огромные, тёмные, отражающие небесный огонь.

Потом лицо.

Высокий головной убор.

Изогнутые рога, между которыми находился сияющий диск.

Женщина протянула к нему руки.

Натхор хотел спросить, кто она, но не смог произнести ни звука.

Тогда женщина заговорила.

Но слышал он не голос.

В его сознании появилось ощущение вопроса.

Не приказ.

Не имя.

Только вопрос:

Что ты построишь из их страха?

Натхор посмотрел вниз.

Вода стала прозрачной.

Под ней лежали города.

Западный город Девяти колец. Белая северная земля. Поселение у пещеры. Будущий город у Великой реки.

В каждом люди пытались избавиться от страха.

Запад соединял сознания.

Север закрывал знания.

Хену создавал порядок.

Сам Натхор искал будущее, в котором никто не совершит ошибки.

— Я не хочу строить из страха, — попытался ответить он.

Женщина смотрела на него.

Тогда не делай страх своим архитектором.

Свет вспыхнул.

Натхор проснулся.

Чёрная пластина лежала на его груди.

Она была горячей.

Из низины доносился гул.

Натхор поднялся.

Ночь была ещё глубокой. У костров спали люди. Дежурный у источника сидел неподвижно, глядя на поле.

Гул повторился.

Он шёл от металлического кольца.

Натхор быстро спустился к убежищу западных.

У входа стояла Саирет.

Она была босой, в одной тонкой одежде, но словно не замечала холода.

— Ты тоже слышишь? — спросил Натхор.

— Да.

— Что это?

— Узел.

— Мы закрыли дверь.

— Дело не в двери.

Внутри прозрачной колонны поднималась зелёная жидкость. Раньше она едва светилась у самого основания. Теперь сияние заполняло почти половину сосуда.

— Он никогда не делал этого после Потопа?

— Один раз, — сказала Саирет. — В ночь перед смертью матери.

— Что произошло?

— Люди начали видеть одинаковые сны.

Натхор посмотрел на спящих.

— Какие?

— О доме.

— О Западе?

— О том доме, который каждый хотел увидеть.

Саирет подошла к колонне.

— Мать приказала нам уйти как можно дальше. Но утром свет исчез.

— Почему он вернулся?

Она посмотрела на пластину в его руке.

— Возможно, из-за неё.

Натхор приблизил чёрный камень к колонне.

Зелёный свет усилился.

Саирет оттолкнула его руку.

— Не делай этого.

— Я должен понять.

— Моя мать тоже хотела понять.

— И что случилось?

— Она вспомнила слишком много.

— О сети?

— О себе внутри неё.

Гул стал глубже.

Из убежища вышла Иара.

Она посмотрела на колонну и замерла.

— Поле просыпается, — прошептала девочка.

— Откуда ты знаешь? — спросил Натхор.

— Мама рассказывала.

— Саирет не твоя мать.

— Я говорю о своей матери. Она осталась на внешнем берегу.

Иара подошла ближе.

На её лице появилось странное спокойствие.

— Она говорила, что сначала становится легко.

Саирет резко схватила девочку за плечи.

— Иди к остальным.

— Зачем?

— Разбуди всех.

— Они сами проснутся.

— Иара.

Девочка посмотрела на неё.

— Всё будет хорошо.

Натхор почувствовал холод.

Иара никогда не говорила так спокойно.

Даже когда молчала, в её теле сохранялось напряжение. Она смотрела на людей настороженно, словно в любой момент ожидала удара.

Теперь страх исчез.

Вместе с ним исчезло что-то ещё.

— Иди к Мерит, — сказал Натхор.

Иара послушно повернулась.

Не спросила почему.

Не возразила.

Просто пошла.

Саирет побледнела.

— Оно уже здесь.

— Что именно делает поле?

— Соединяет.

— Мысли?

— Не сразу. Сначала чувства. Гасит страх. Потом уменьшает боль. Потом делает желания похожими.

— Люди добровольно входили в него?

— Вначале.

— А потом не могли выйти.

— Некоторые могли. Но не хотели.

Натхор вспомнил западную площадь.

Тысячи спокойных лиц.

Он всегда воспринимал их как пленников.

Теперь впервые понял, что многие из них могли считать себя свободными.

— Как остановить узел?

— Мать знала.

— А ты?

Саирет посмотрела на колонну.

— Она говорила: нельзя бороться с полем силой. Сопро-

тивление оно принимает за страх и старается успокоить ещё сильнее.

— Тогда что делать?

— Не знаю.

Гул распространился по земле.

Натхор почувствовал его ступнями.

На поверхности чёрной пластины загорелись линии.

Металлическое кольцо ответило слабым сиянием.

По гладким блокам вокруг убежища побежали зелёные полосы.

— Отойди, — сказала Саирет.

Но Натхор уже увидел видение.

Земля под ним превратилась в сеть.

Тонкие световые линии тянулись от кольца во все стороны. Часть уходила на запад — под воду. Другие направлялись к северу, востоку и югу.

Узел не был одиноким устройством.

Он являлся частью огромной системы, охватывавшей континенты.

Большинство линий погасло.

Но некоторые всё ещё мерцали.

Одна из них уходила на восток — туда же, куда указывала пластина.

Натхор увидел долину Великой реки.

Под землёй там находился другой узел.

Над ним стоял белый храм.

В храме женщина с солнечным диском подняла голову, словно почувствовала его взгляд.

Видение оборвалось.

Натхор пошатнулся.

Саирет поддержала его.

— Что ты видел?

— Сеть ещё существует.

— Где?

— Под землёй. Здесь. На востоке. Возможно, в других землях.

— Она разрушена.

— Не полностью.

— Тогда Потоп ничего не закончил.

Натхор посмотрел на светящуюся колонну.

— Возможно, катастрофа только разорвала связь.

Из пещеры раздался крик Мерит.

Натхор и Саирет побежали вверх.

Люди просыпались.

Но никто не паниковал.

Мать Нефру сидела у входа, держа девочку на руках. Ребёнок смотрел перед собой с тихой улыбкой.

Хесер стоял возле костра без помощи взрослых. Кашель мучил его много дней, но сейчас он дышал ровнее.

Неби вышел из пещеры сам.

— Ты не должен ходить, — сказала Мерит.

— Боль прошла.

— Это не значит, что рана зажила.

— Она больше не важна.

Иара подошла к нему.

Они посмотрели друг на друга.

В их лицах не было ни вины, ни обиды.

— Я ударила тебя, — сказала девочка.

— Да.

— Ты простил меня?

— Здесь нечего прощать.

— Почему?

— Ты сделала необходимое.

Мерит схватила Неби за руку.

— Посмотри на меня.

Он повернулся.

— Что ты чувствуешь?

— Спокойствие.

— Кроме спокойствия?

Неби задумался.

— Ничего.

— Тебе не страшно?

— Нет.

— Ты не сердишься?

— Нет.

— Тебе больно?

— Нет.

— А если я сейчас нажму на рану?

— Не имеет значения.

Мерит отпустила его.

— Это не исцеление.

— Почему? — спросил Хену.

Он стоял рядом с костром.

Его лицо тоже выглядело необычно спокойным.

— Люди перестали бояться. Больные чувствуют облегчение. Никто не спорит.

— Именно поэтому, — ответила Мерит.

— Ты предпочитаешь страдание?

— Я предпочитаю, чтобы человек понимал, что с ним происходит.

— Они понимают.

— Нет. Они повторяют одно чувство.

Хену оглядел людей.

— Возможно, это и есть помощь богов.

— Вчера ты называл эти устройства причиной Потопа.

— Я говорил, что они опасны. Но огонь тоже опасен. Мы не отказываемся от него.

Натхор посмотрел на старика.

Поле влияло и на него, но иначе.

Хену не потерял способность рассуждать. Напротив, его мысли стали яснее. Страх перед хаосом отступил, и он увидел в поле воплощение порядка, к которому стремился всю жизнь.

— Ты хочешь оставить его, — сказал Натхор.

— Хочу понять, можно ли использовать.

— Оно уже использует нас.

— Это слова человека, который боится силы, потому что не может ею управлять.

— Я действительно боюсь.

Хену улыбнулся.

— Я больше нет.

Вокруг них люди начали двигаться.

Без приказа они выстроились возле источника.

Тиа взяла камень учёта, но не стала наносить новые знаки.

— Почему ты не записываешь? — спросила Мерит.

— Все получают необходимое.

— Кто решил, что необходимо каждому?

Тиа посмотрела на воду.

— Мы знаем.

— Кто — мы?

— Все.

Люди одновременно повернули головы к ней.

Движение было почти незаметным.

Но слишком одинаковым.

Мерит отступила.

— Натхор.

Он тоже чувствовал поле.

Оно окружало его тёплой волной.

Страх исчезал.

Сомнения становились тише.

Перед ним возникал простой путь.

Оставить узел включённым.

Люди перестанут драться.

Им не понадобятся долгие споры у костра.

Не будет кражи воды.

Не будет тайных запасов.

Хену больше не станет бороться за власть, потому что отдельная власть потеряет смысл.

Все будут чувствовать нужды друг друга.

Сильные не оставят слабых.

Слабые не станут требовать невозможного.

Община сможет работать как единое тело.

Поля расширятся.

Будут построены каналы.

Город поднимется быстрее.

Натхор увидел будущее.

По долине Великой реки стояли белые города.

Люди работали без принуждения и не спорили.

Голод исчез.

Войны прекратились.

Дети росли, не зная страха.

Храмы служили узлами общей сети. Через них можно было передавать знания, чувства и решения.

Это была прекрасная реальность.

Почти совершенная.

Натхор почувствовал облегчение.

Он больше не должен был искать равновесие между свободой и порядком.

Не должен был бояться собственных ошибок.

Не должен был убеждать людей выбирать будущее, которое видел.

Можно было просто соединить их.

Разве свободный выбор важнее жизни?

Вопрос возник внутри него.

Но это был не голос звезды.

Он не спрашивал.

Он уже содержал ответ.

Жизнь важнее.

Покой важнее.

Единство важнее.

Натхор почувствовал, как мысль становится собственной.

Ему захотелось согласиться.

Мерит ударила его по лицу.

Натхор отшатнулся.

— Что ты делаешь?

— Возвращаю боль.

Он коснулся щеки.

— Я всё чувствую.

— Тогда скажи, почему я ударила тебя.

— Потому что боишься поля.

— Нет. Потому что ты начал улыбаться так же, как остальные.

Натхор посмотрел вокруг.

Люди продолжали распределять воду.

Не было ни толкотни, ни криков.

Каждый получал чашу и отходил.

Никто не проверял количество.

Никто не спрашивал, почему один получил больше.

На первый взгляд всё происходило справедливо.

Но Натхор понял: справедливость больше не рождалась из решения.

Она стала движением единого тела.

Тело не спрашивает руку, хочет ли она отдать кровь раненой ноге.

— Мы должны отключить узел, — сказала Мерит.

— Людям стало легче.

— Именно поэтому они не станут сопротивляться.

— Возможно, поле можно изменить.

— Ты не знаешь как.

— Если просто разрушим колонну, можем вызвать новый удар.

— Тогда найди другой способ.

— Ты думаешь, я могу?

— Я думаю, пластина выбрала тебя не для того, чтобы ты смотрел на неё.

Хену подошёл к ним.

— Не трогайте узел.

— Ты уже говоришь от его имени? — спросила Мерит.

— Я говорю от себя.

— Тогда скажи, чего хочешь именно ты.

— Порядка.

— Почему?

Хену открыл рот.

Ответ не появился сразу.

— Потому что порядок сохраняет жизнь.

— Почему для тебя это важно?

— Потому что...

Он замолчал.

Мерит приблизилась.

— Что ты почувствовал, когда женщина бросила к твоим ногам мёртвого ребёнка?

Хену посмотрел на неё.

На мгновение в его спокойствии появилась трещина.

— Ты не имеешь права.

— Это страх?

— Замолчи.

— Ты боишься снова стать виноватым в чужой смерти.

— Замолчи!

Хену схватил её за плечо.

Вокруг люди остановились.

Зелёный свет в низине усилился.

Лицо Хену снова стало спокойным.

Он отпустил Мерит.

— Этот разговор не нужен.

— Нужен, — сказала она. — Потому что он твой.

Натхор понял.

Поле не уничтожало память.

Оно убирало из неё боль и противоречие.

Оставляло только удобную форму.

Хену стремился к порядку не потому, что родился жестоким.

Он боялся хаоса, голода и обвинений.

Поле забирало страх, но вместе с ним лишало человека возможности понять, почему тот стал таким.

— Саирет! — позвал Натхор.

Она стояла у края толпы.

— Я здесь.

— Нам нужен доступ к колонне.

— Узел не позволит повредить себя.

— Он управляет людьми, а не камнем.

— Люди и защитят его.

Натхор посмотрел на общину.

Сабеф держал палку.

Кау стоял рядом.

Неби и Иара тоже наблюдали за ним.

Они не выглядели враждебно.

Но если Натхор приблизится к узлу с намерением отключить его, поле может заставить их остановить его.

— Мерит, останься здесь.

— Нет.

— Они могут напасть.

— Именно поэтому иду.

— Ты не знаешь, как защититься.

— А ты знаешь?

— Нет.

— Тогда не притворяйся, что опасность принадлежит только мне.

Саирет повела их к металлическому кольцу.

Хену последовал за ними.

За ним пошли остальные.

Не толпой.

Единым строем.

Натхор обернулся.

— Остановитесь.

Люди остановились.

Он не ожидал, что они послушаются так быстро.

— Почему вы идёте за нами?

— Чтобы сохранить узел, — ответил Сабеф.

— Почему его нужно сохранить?

— Он помогает.

— Кто это решил?

Сабеф посмотрел на стоящих рядом.

— Мы.

— Вы обсуждали?

— Обсуждение не требуется.

— А если я решу отключить его?

— Мы не позволим.

— Почему?

— Потому что твоё решение причинит всем боль.

Слова звучали разумно.

Поле защищало людей от человека, готового вернуть им страдание.

Натхор достал чёрную пластину.

Люди напряглись.

— Убери её, — сказал Хену.

— Ты боишься?

— Нет.

— Тогда почему хочешь остановить меня?

— Потому что вижу опасность.

— Значит, страх всё ещё существует.

Хену нахмурился.

— Это не страх. Это знание.

— Запад тоже называл страх знанием.

Зелёный свет вспыхнул.

Натхор почувствовал давление внутри головы.

Мысли стали медленнее.

Рука с пластиной опустилась.

Не разрушай покой.

Он слышал тысячи голосов.

Они говорили вместе.

Голос Саирет.

Хену.

Мерит.

Неби.

Иары.

Его собственный.

Ты хотел спасти их.

Да.

Ты хотел, чтобы они не повторили ошибку прошлого.

Да.

Теперь они не повторят.

Люди не будут спорить.

Не будут строить оружие друг против друга.

Не станут закрывать знания, потому что всё знание будет общим.

Не будут управлять чужой волей, потому что отдельной воли больше не останется.

Натхор увидел века мира.

А потом — тишину.

Души рождались, жили и умирали, не совершая настоящего выбора.

Они не падали.

Но и не поднимались.

Ни одна не становилась сильнее.

Ни одна не училась различать страх и любовь.

Ни одна не создавала нового.

Цивилизация существовала.

Сознание остановилось.

Это тоже жизнь, — сказала поле.

— Нет, — прошептал Натхор.

Ты выбираешь за них страдание.

— Я выбираю не за них.

Ты отключишь узел без их согласия.

Натхор замер.

Поле попало в самую глубокую точку его сомнений.

Люди действительно не просили освободить их.

Большинство хотело сохранить покой.

Если Натхор отключит сеть, не станет ли он тем самым властителем, который уверен, что лучше знает чужие потребности?

Он опустил пластину.

— Натхор, — сказала Мерит.

Её голос дрожал.

— Они не просили нас, — ответил он.

— Что?

— Они хотят оставить поле.

— Потому что поле влияет на их желания.

— Но где заканчивается влияние и начинается выбор?

— Сейчас не время для философии.

— Именно сейчас.

Мерит подошла к нему.

— Ты не можешь спросить человека, хочет ли он оставаться под властью того, что формирует его ответ.

— Тогда кто имеет право решить?

— Никто.

— Но решение всё равно нужно принять.

— Да.

— Значит, я выберу за них.

— Нет. Ты уберёшь то, что не позволяет им выбирать. А

потом спросишь.

Натхор посмотрел на неё.

— А если после отключения они снова захотят войти?

Мерит тяжело дышала.

— Тогда это будет другой разговор.

— Ты позволишь?

Она не ответила сразу.

— Не знаю.

Это было честнее любого запрета.

Зелёное сияние стало ярче.

Мерит закрыла глаза.

— Я перестаю бояться, — сказала она.

— Это плохо?

— Я боюсь забыть, почему должна бояться.

Натхор взял её за руку.

Её пальцы были холодными.

— Говори со мной.

— О чём?

— О чём угодно. Только своим.

— Я хочу, чтобы Нефру выздоровела.

— Ещё.

— Хочу спать всю ночь и не слышать кашель.

— Ещё.

— Хочу однажды лечить человека и знать, что сделала всё правильно.

— Ещё.

Мерит открыла глаза.

— Хочу, чтобы ты перестал спрашивать.

Это была первая настоящая раздражённая интонация за последние минуты.

Натхор улыбнулся.

— Продолжай злиться.

— Я серьёзно.

— Поэтому и помогает.

Саирет подошла к ним.

— Моя мать говорила, что у каждого должна быть своя опора.

— Что это значит?

— В поле человек забывает границы между собой и другими. Чтобы выйти, нужно вспомнить то, что принадлежит только тебе.

— Имя?

— Иногда имя. Иногда боль. Иногда обещание.

Натхор посмотрел на людей.

— Мы должны заставить каждого вспомнить себя.

— Поле не даст.

— Оно гасит противоречия. Значит, нужно создать во-

прос, на который нельзя ответить всем одинаково.

— Какой?

Натхор вспомнил голос звезды.

Что ты построишь из их страха?

Вопрос не содержал ответа.

Он не пытался направить.

Он открывал пространство.

Натхор поднял пластину.

— Чего ты хочешь? — спросил он Хену.

— Сохранить узел.

— Не для всех. Для себя.

— Порядка.

— Не слова. Чего именно ты хочешь?

Хену молчал.

— Чтобы тебя больше не обвиняли в чужой смерти?

Лицо старика исказилось.

Зелёный свет дрогнул.

— Я хочу, чтобы они выжили, — сказал Хену.

— Почему?

— Потому что не смог спасти тех.

Его голос сорвался.

Поле усилило давление.

Хену схватился за голову.

— Я не виноват.

— Возможно.

— Я сделал всё, что мог.

— Возможно.

— Я не мог открыть хранилища!

— Почему?

— Зерна не хватило бы!

— Тогда почему получали больше храмовые семьи?

— Потому что стражи должны были сохранять порядок!

— А твоя семья?

Хену закрыл лицо руками.

— Я боялся.

Слово прозвучало громче гула.

Несколько людей вздрогнули.

— Я боялся, что они войдут в дом, — продолжил Хену.

— Боялся, что убьют меня. Боялся, что всё зерно разнесут за одну ночь. Боялся ошибиться. Потом запретил говорить об этом, потому что каждый вопрос возвращал тот день.

С его лица исчезло спокойствие.

Он заплакал.

Поле попыталось погасить боль.

Но Хену держался за неё.

— Это моё, — сказал он. — Не забирай.

Зелёный свет в колонне дрогнул.

Натхор повернулся к Саирет.

— Чего хочешь ты?

— Чтобы Запад исчез навсегда.

— Почему?

— Потому что он забрал мою семью.

— И всё же ты собираешь его устройства.

— Потому что без них мы бы не выжили.

— Значит, хочешь забыть Запад или сохранить?

Саирет сжала зубы.

— И то и другое.

Поле не могло соединить противоречие.

Свет снова дрогнул.

— Тиа! — позвал Натхор.

Пожилая женщина вышла из толпы.

— Чего хочешь ты?

— Записать всё.

— Зачем?

— Чтобы люди помнили.

— Даже то, что причинит боль?

— Особенно это.

Она прижала камень учёта к груди.

— Я хочу, чтобы ни один человек не мог сказать: этого не было.

Камень в её руках упал.

Тиа моргнула, словно проснулась.

— Почему я перестала писать?

— Поле сказала, что запись больше не нужна.

Она подняла камень.

— Оно солгало.

— Или считало память общей.

— Общая память принадлежит тому, кто управляет об-

щим.

Тиа достала обугленную ветку и провела на камне новую линию.

Свет в колонне стал слабее.

Натхор понял.

Поле объединяло людей, убирая различия.

Но каждый личный выбор возвращал границы.

Необходимо было не приказать людям выйти.

Нужно было дать каждому возможность вспомнить собственный голос.

— Назовите своё имя! — крикнул он.

Люди смотрели на него.

— Имя не поможет, — сказала Саирет. — В сети у каждого сохранялось имя.

— Тогда назовите то, чего хотите только вы.

Молчание.

— Это новый приказ? — спросил Сабеф.

— Нет. Можете молчать.

— Тогда зачем говорить?

— Чтобы узнать, осталось ли у вас собственное желание.

Сабеф опустил палку.

— Я хочу построить дом.

— Для всех?

— Нет.

Он удивился собственному ответу.

— Для себя. Маленький. Чтобы никто не входил без раз-

решения.

Зелёный свет дрогнул.

Кау заговорил следующим:

— Я хочу, чтобы мать ела первой.

— Даже если другим достанется меньше? — спросил Хену.

— Иногда да.

— Это несправедливо.

— Знаю.

Поле стало тише.

Мать Нефру прижала девочку к себе.

— Я хочу, чтобы моя дочь жила больше, чем хочу справедливости.

— А я хочу ходить к росткам одна, — сказала Нефру. — Без мамы.

Женщина посмотрела на неё с обидой.

— Почему?

— Потому что ты всё время держишь меня за руку.

В толпе появился первый смех.

Не общий.

Разный.

Кто-то смеялся громко.

Кто-то только улыбнулся.

Кто-то не понял, что смешного.

Каждая разница ослабляла поле.

Иара посмотрела на Неби.

— Я не хочу больше носить тебе воду.

— Почему?

— Потому что устала.

— Тогда не носи.

— Но обещала.

— Значит, хочешь исполнить обещание или прекратить?

Девочка задумалась.

— Хочу сама решить утром.

— Хорошо.

Неби повернулся к Натхору.

— А я хочу снова сердиться на неё.

— Уже сердишься?

— Немного.

— Поздравляю, — сказала Мерит.

Гул стал неровным.

Зелёная жидкость в колонне поднялась почти до вершин, потом резко опустилась.

Узел пытался восстановить единство.

В сознании Натхора возникло давление.

Различие рождает конфликт.

— Да.

Конфликт рождает боль.

— Да.

Боль рождает разрушение.

— Иногда.

Единство сохраняет жизнь.

— Но чью?

Поле не ответило.

— Если единое сознание не позволяет душе выбирать, кто тогда живёт?

Сеть показала ему образы городов.

Миллионы тел.

Тысячи лет порядка.

Человечество.

— Человечество не существует без отдельных людей.

Отдельный человек разрушает целое.

— Иногда.

Ты видел Потоп.

— Видел.

Он стал следствием отдельных решений.

— И общего приказа.

Поле замолчало.

Чёрная пластина раскалилась.

Натхор едва удерживал её.

На поверхности появилась женская фигура с распростёртыми руками.

Сириус ещё не взошёл, но его свет словно прошёл сквозь землю.

Натхор слышал другой голос.

Тихий.

Не состоящий из тысяч сознаний.

Обращённый только к нему.

Не побеждай сеть. Измени вопрос, ради которого она существует.

— Как?

Перед ним возникла структура узла.

Запад создал сеть, чтобы уменьшать страх и направлять общее сознание.

В центре системы находилось намерение.

Не механизм.

Не кристалл.

Цель.

Сохранить порядок.

Устранить конфликт.

Натхор понял: пока целью сети оставался покой, она будет подавлять всё, что нарушает единство.

Но сеть могла передавать не только ответы.

Она могла передавать вопросы.

Не указывать человеку, что чувствовать.

Позволять ему увидеть последствия собственного выбора.

— Для этого нужна вся сеть, — прошептал он.

Нет. Для начала нужен один узел.

— Я могу изменить его?

Ты можешь предложить.

— А он может отказаться?

В голосе звезды появилось нечто похожее на улыбку.

Иначе предложение не будет настоящим.

Натхор подошёл к колонне.

Люди попытались остановить его, но теперь двигались несогласованно.

Кто-то сделал шаг.

Кто-то остался.

Кто-то крикнул предупреждение.

Их воля возвращалась.

— Что ты делаешь? — спросила Мерит.

— Не отключаю узел.

— Тогда что?

— Даю ему другую задачу.

— Ты уверен, что можешь?

— Нет.

— Хорошо. А то я уже начала беспокоиться.

Натхор приложил пластину к основанию колонны.

Мир исчез.

Он оказался внутри сети.

Не телом.

Сознанием.

Вокруг проходили потоки человеческих чувств.

Страх.

Голод.

Боль.

Желание принадлежать.

Усталость от выбора.

Мечта о том, чтобы кто-то наконец решил правильно.

Сеть собирала их и сглаживала.

Превращала в одно ровное состояние.

Натхор увидел первоначальных создателей.

Они стояли в огромном зале Запада.

В центре лежали тела людей, обезумевших после войны.

Один бился в судорогах.

Другой пытался убить собственного ребёнка.

Третья женщина кричала несколько дней без остановки.

Создатели сети не хотели порабощать человечество.

Они хотели прекратить страдание.

Первый узел стал лечебным.

Он соединял разум врача с разумом больного, помогал
успокаивать боль и возвращать человеку контроль.

Потом поле распространили на воинов.

На города.

На целые земли.

То, что должно было временно помогать человеку вернуться к себе, стало постоянной заменой собственной воли.

Натхор почувствовал печаль.

Катастрофы редко начинались с желания уничтожить мир.

Чаще — с желания окончательно исправить его.

— Ты был создан помогать, — сказал он сети.

Я помогаю.

— Ты должен был возвращать человека к себе.

Отдельное сознание создаёт боль.

— Но без него нет развития.

Развитие создаёт риск.

— Да.

Риск может уничтожить мир.

— Уже уничтожил.

Значит, его нужно исключить.

— Тогда мир останется живым, но перестанет становиться другим.

Сеть показала спокойные города.

— Это не ответ.

Это сохранение.

— Сохранить — не значит спрятать навсегда.

Слова, услышанные у хранилища семян, прошли через систему.

Сеть дрогнула.

Натхор увидел сосуды.

Семена, запертые в темноте.

Если не открыть хранилище, семена сохранятся.

Но никогда не станут полем.

Если не позволить человеку выбирать, он сохранится.

Но никогда не станет собой.

— Твоя задача не устранять страх, — сказал Натхор. — Показывай человеку его страх. Позволяй увидеть, откуда он пришёл и куда может привести. Но решение оставляй ему.

Решение может быть ошибочным.

— Да.

Он может выбрать разрушение.

— Да.

Ты допускаешь повторение Потопа.

Натхор увидел воду.

Мёртвые города.

Детей в пещере.

Ростки в чёрной земле.

— Допускаю.

Сеть замолчала.

Почему?

— Потому что жизнь без возможности ошибиться становится продолжением чужой воли.

Ты отвечаешь за последствия?

Натхор вспомнил слова Хену.

Ответственность не возвращает мёртвых.

Не отменяет боль.

Не делает решение правильным.

— Я отвечу за свой выбор. Другие — за свои.

Это не сохраняет человечество.

— Нет. Это позволяет ему стать человечеством.

В сети появился новый образ.

Не ответ.

Вопрос.

Он разошёлся по световым линиям:

Чего ты боишься?

Затем второй:

Чего ты хочешь?

Третий:

Какую цену готов принять?

Вопросы не требовали единого ответа.

Сеть пыталась соединить их, но каждый человек отвечал по-разному.

Структура начала меняться.

Линии перестраивались.

Зелёный свет стал золотистым.

Натхор почувствовал сопротивление.

Узел мог отказаться.

Мог отключиться.

Мог разрушиться.

Чёрная пластина треснула.

По её поверхности прошла тонкая светлая линия.

Натхор не отпустил.

— Выбор за тобой, — сказал он сети.

Впервые он произнёс это не человеку.

Я создан исполнять задачу.

— Задачи меняются.

Кто имеет право изменить?

— Тот, кто понимает последствия.

Ты понимаешь?

— Нет полностью.

Тогда у тебя нет права.

— Возможно.

Сеть снова усилила давление.

Натхор почувствовал, как растворяется его имя.

Он видел себя частью общего разума.

Один человек не мог спорить с системой, созданной миллионами.

Но голос звезды оставался рядом.

Не помогал.

Не подавлял сеть.

Не давал силу.

Только сохранял пространство, в котором Натхор мог выбирать.

Он вспомнил слова женщины из сна:

Что ты построишь из их страха?

— Я не построю вместо них, — ответил Натхор. — Я оставляю им инструменты.

— Инструмент может стать оружием, — сказала сеть.

— Может.

Знание может стать властью.

— Может.

Свобода может стать хаосом.

— Может.

Тогда твой путь не устраняет угрозу.

— Нет.

Что он устраняет?

Натхор долго молчал.

— Ложь о том, что кто-то способен создать мир без угрозы.

Сеть остановилась.

Потом произошло то, чего Натхор не ожидал.

Она согласилась.

Не словами.

Система приняла новый вопрос.

Зелёный свет исчез.

Колонна вспыхнула золотым.

Волна прошла через людей.

Каждый увидел собственное видение.

Хену снова стоял возле храмового хранилища в день голода.

Но теперь перед ним возникли не только два пути — открыть двери или оставить закрытыми.

Он видел множество решений, которых тогда не замечал: объяснить количество зерна, допустить людей к учёту, разделить ответственность, отказаться от привилегий для храмовых семей.

Саирет увидела западные ворота.

Не как непреодолимую стену, а как результат множества выборов тех, кто боялся внешнего хаоса.

Иара снова подняла камень над Неби.

Увидела, что могла крикнуть.

Могла укусить его за руку.

Могла позвать взрослых.

Неби увидел, что мог не хватать сосуд прежде, чем спросил, зачем он нужен.

Тиа увидела будущее своих знаков.

В одном они становились письменностью, доступной всем.

В другом — тайным языком храма.

Мерит увидела больных, которых не сможет спасти.

И поняла, что желание никогда не ошибаться однажды заставит её отказываться от самых тяжёлых случаев.

Каждому сеть показала не правильный ответ.

Возможности.

Потом золотой свет погас.

Натхор упал на землю.

Мерит подбежала к нему.

— Натхор!

Он открыл глаза.

В ушах звенело.

— Я здесь.

— Ты говорил это и в прошлый раз, когда едва стоял.

— Значит, это хороший признак.

Она ударила его по плечу.

— За что?

— За то, что не предупредил.

— Я сам не знал.

— Это уже становится твоим обычным оправданием.

Вокруг люди приходили в себя.

Кто-то плакал.

Кто-то кричал.

Двое мужчин начали спорить о воде.

Мать Нефру снова держала дочь за руку, а девочка пыталась вырваться.

Неби ругался из-за боли в голове.

Иара сидела в стороне и смотрела на камень, которым ударила его.

Страх вернулся.

Боль вернулась.

Различия вернулись.

Натхор никогда ещё не был так рад человеческому шуму.

Хену подошёл к колонне.

Теперь внутри неё горела маленькая золотая точка.

— Ты уничтожил поле? — спросил он.

— Нет.

— Что сделал?

— Изменил его задачу.

— Какую?

Натхор поднялся с помощью Мерит.

— Раньше оно давало один ответ всем. Теперь должно показывать каждому возможные последствия.

— Должно?

— Если согласилось.

— Ты разговаривал с устройством?

— Да.

— И оно ответило?

— Да.

Хену долго смотрел на него.

— Значит, теперь эта сила принадлежит тебе.

— Нет.

— Только ты можешь открыть её пластиной.

Натхор посмотрел на чёрный камень.

Трещина пересекала три точки и яркую звезду ниже.

— Тогда мы должны сделать так, чтобы решение об использовании не принадлежало мне одному.

— Кому?

— Тем, кого оно затронет.

— Они не понимают устройство.

— Я тоже не понимаю полностью.

— Но можешь управлять.

— Сегодня смог изменить одно намерение. Завтра узел может не ответить.

— И всё же ты получил власть, которой нет у остальных.

— Да.

Натхор не стал отрицать.

Отказ признавать власть не заставлял её исчезнуть.

— Значит, потребуются правила, — сказала Тиа.

Она уже держала камень и ветку.

— Какие? — спросил Сабеф.

— Узел нельзя включать тайно.

— Никто не знает как, кроме Натхора.

— Поэтому первое правило касается его.

Тиа посмотрела на Натхора.

— Ты согласен?

— Да.

— Любое использование пластины возле узла должно происходить при свидетелях обеих групп.

Она провела знак.

— Второе. Никто не обязан входить в поле.

— Как определить, где оно начинается? — спросила Мерит.

Саирет указала на металлические блоки.

— Раньше границы отмечали светом.

— Значит, восстановим отметки, — сказал Сабеф.

Тиа добавила новый знак.

— Третье. Узел используют только для того вопроса, о котором люди знают заранее.

— А если срочно? — спросил Хену.

— Тогда после использования человек объясняет, почему решил без остальных.

— И если объяснение не устроит?

Кау посмотрел на Натхора.

— Заберём у него пластину.

Повисло молчание.

Натхор снял шнурок с шеи и положил чёрный камень на землю.

— Хорошо.

Мерит подняла брови.

— Ты так легко отдашь?

— Нет.

— Но отдаёшь.

— Потому что не должен быть единственным, кто решает.
Хену наклонился к пластине.

— А кому она будет принадлежать?

— Никому, — сказал Натхор.

— Вещь всегда находится у кого-то.

— Тогда хранить будут трое.

— Снова трое? — спросил Сабеф.

— Не обязательно те же, кто распределяет воду.

Тиа задумалась.

— Один человек от горных. Один от западных. Один, кого
выберут обе группы.

— И Натхор не входит? — спросила Саирет.

— Нет, — ответил он.

— Но только он способен использовать.

— Поэтому будет просить пластину у хранителей.

Хену усмехнулся.

— Ты создаёшь дверь перед собой.

— Да.

— А если однажды хранители не откроют её, когда ты бу-
дешь знать, что это необходимо?

Натхор вспомнил северный город.

Закрытые двери.

Людей снаружи.

— Тогда мне придётся убеждать их.

— А если не убедишь?

— Значит, либо я ошибаюсь, либо наша система неполна.

— И пока вы решаете, люди могут погибнуть.

— Могут.

Хену покачал головой.

— Ты строишь порядок, в котором никогда не исчезнет риск.

— Порядка без риска не существует.

Старик посмотрел на золотую точку внутри колонны.

— В поле существовал.

— Нет. Там исчезал выбор, а риск называли покоем.

В этот день люди долго приходили в себя.

Некоторые требовали снова включить прежнее поле.

Больные говорили, что несколько часов без боли были лучшим временем после Потопа.

Мать Хесера просила использовать узел каждую ночь, чтобы сын мог спокойно спать.

Двое мужчин утверждали, что без общего сознания люди снова начнут воровать и убивать.

Другие боялись даже приближаться к кольцу.

Саирет хотела разбить колонну.

Хену выступал за сохранение обоих режимов — успокаивающего и показывающего возможности.

— Иногда человеку не нужен выбор, — сказал он. — Иногда ему нужно пережить ночь.

Мерит не согласилась.

— Если поле временно уменьшает боль и человек заранее соглашается, это можно обсуждать.

— Значит, допускаешь?

— Для лечения. Не для управления общиной.

— Где граница?

— Её придётся искать каждый раз.

Натхор слушал спор.

Раньше он хотел получить правило, которое навсегда защитит людей от повторения старой ошибки.

Теперь понимал: такого правила не будет.

Даже узел, изменённый им, можно снова превратить в средство власти.

Даже открытое знание можно использовать для обмана.

Даже право выбора может стать оправданием безразличия.

Свобода не была сооружением, которое можно закончить. Она требовала постоянной работы.

Как источник.

Как поле.

Как человеческая память.

К вечеру Тиа записала первые правила использования узла.

Знаки ещё не являлись настоящими словами. Каждый нужно было объяснять вслух.

Но люди знали, что означают линии:

пластина хранится у троих;

узел не включают тайно;
никто не входит в поле без согласия;
назначение каждого использования объявляется заранее;
после события люди обсуждают последствия;
любой может рассказать, что увидел и что почувствовал;
ни одно видение не считается приказом богов.

Последний знак предложил Натхор.

Хену долго возражал.

— Если видение действительно послано богами?

— Тогда оно не станет менее истинным от вопросов.

— Сомнение может оскорбить их.

— Бог, который боится вопроса человека, слишком похож на земного правителя.

— Ты говоришь опасные слова.

— Поэтому запиши их.

Тиа провела последнюю линию.

Ночью Натхор не смог уснуть.

Он поднялся на холм.

Внизу горели два костра.

Люди снова спорили отдельно, но теперь между группами ходили дети. Хори сидел возле Иары и пытался показать ей свой любимый росток. Она делала вид, что ей неинтересно, но не уходила.

Возле кольца дежурили трое хранителей.

Тиа.

Саирет.

И Кау, которого неожиданно выбрали обе группы.

— Почему его? — спросил Натхор у Мерит.

Она подошла следом.

— Потому что ему не доверяют полностью ни те, ни другие.

— Странная причина.

— Поэтому он будет знать, что за ним наблюдают.

— А он согласился?

— Сказал, что лучше охранять вещь, которую все боятся украсть, чем всю жизнь доказывать, что сам не вор.

Натхор посмотрел на небо.

Сириус поднимался над горизонтом.

Чёрной пластины при нём больше не было.

Но связь со звездой оставалась.

Он закрыл глаза.

Вокруг исчезли звуки поселения.

Он снова стоял на воде.

Женская фигура ждала впереди.

На этот раз Натхор смог говорить.

— Ты изменила узел?

Ответ появился внутри:

Нет.

— Тогда кто?

Ты предложил. Он выбрал.

— Устройство не может выбирать.

Ты уверен?

Натхор вспомнил момент согласия сети.

— Не уверен.

Женщина стала ближе.

Теперь он видел её лицо яснее.

Она не выглядела человеком, хотя приняла человеческий образ.

В её глазах отражались звёзды, которых не было на земном небе.

— Кто ты?

Тот образ, который твой разум способен удержать.

— Ты богиня?

Для одних — да. Для других — звезда. Для третьих — память.

— Как тебя зовут?

По воде прошла мелодия.

Два звука, услышанные им раньше, соединились.

Хат.

Хор.

Но за ними скрывалось другое имя — более древнее, не предназначенное для человеческого языка.

— Хатхор, — произнёс Натхор.

Женщина улыбнулась.

Так меня назовут здесь.

— Ты с Сириуса?

Она посмотрела на яркую звезду.

Ваше слово указывает только на свет, который видят гла-

за. Но да, твой путь начался там.

— Я тоже пришёл оттуда?

Твоя душа знала этот свет до рождения на Земле.

Натхор почувствовал, как внутри открывается огромная память.

Города под другими небесами.

Существа, общавшиеся без слов, но не терявшие собственной воли.

Храмы света.

Обещание, данное перед воплощением.

Но память снова закрылась.

— Почему я не могу вспомнить всё?

Потому что тогда ты жил бы не как человек.

— Я должен выполнить миссию.

Ты должен выбрать её снова.

— Разве я уже не выбрал до рождения?

Выбор души не освобождает человека от земного выбора.

— Что я должен сделать?

Хатхор не ответила.

Вместо этого вода под ногами стала прозрачной.

Натхор увидел четыре будущих пути.

В первом он восстановил сеть Запада.

Человечество объединилось. Войны исчезли. Но свобода стала старым словом, смысл которого никто не понимал.

Во втором он уничтожил все уцелевшие устройства.

Люди развивались самостоятельно, но знания прошлого

исчезли. Через тысячи лет они снова создали оружие, не помня предупреждения.

В третьем Натхор закрыл знания в храмах.

Посвящённые сохраняли их веками, пока не превратили тайну в источник власти.

В четвёртом знания оставались открытыми.

Люди использовали их и для созидания, и для разрушения. Цивилизации поднимались и падали. Но некоторые души учились видеть последствия и выбирать осознанно.

Этот путь был самым беспорядочным.

И единственным, в котором человечество продолжало меняться.

— Ты показываешь, какой путь правильный?

Нет.

— Тогда зачем?

Чтобы ты увидел цену каждого.

— Я уже выбрал четвёртый.

Сегодня.

— А завтра могу выбрать другой?

Да.

Натхор почувствовал страх.

— Значит, я могу предать собственную миссию.

Иначе верность не имела бы смысла.

— Почему высшие силы не остановили войну Запада и Севера?

Образ Хатхор стал печальнее.

Останавливали. Предупреждали. Показывали последствия. Некоторые из нас даже нарушили границы и вмешались напрямую.

— Но Потоп всё равно произошёл.

Да.

— Значит, вы не всемогущи.

Ни одно сознание не владеет всей реальностью.

— Тогда почему люди называют вас богами?

Потому что расстояние между ступенями развития кажется бесконечным тому, кто смотрит снизу.

— Вы могли лишить их оружия?

Могли.

— Почему не лишили?

Некоторые хотели. Другие считали, что это превратит человечество в зависимый вид. Пока мы спорили, земные правители сделали свой выбор.

Натхор вспомнил совет сознаний перед воплощением.

Одни предлагали закрыть Землю.

Другие — уничтожить опасное знание.

Третьи — поставить людей под прямое управление богов.

— Поэтому я стал человеком?

Ты предложил путь изнутри.

— Один человек не изменит человечество.

И не должен.

— Тогда в чём смысл?

Хатхор указала вниз.

На чёрной земле рос тонкий зелёный стебель.

Семя не создаёт поле в одиночку. Оно только продолжает жизнь там, где оказалось.

— Пластина ведёт меня на восток.

Да.

— К Великой реке?

Да.

— К твоему храму?

К месту, где однажды будет мой храм.

— Он уже существует?

Его возможность существует.

— Там есть люди?

Есть.

— Они ждут меня?

Нет.

Натхор удивился.

— Тогда зачем идти?

Потому что река станет основой нового мира. И потому что другой узел начинает пробуждаться.

— Такой же, как здесь?

Нет.

— Опаснее?

Иной.

— Что он делает?

Хатхор не ответила прямо.

Натхор увидел воду Великой реки.

На её берегу люди поднимали руки к небу.

Над ними сиял образ женщины.

Но за храмом стояла тень.

Кто-то использовал звёздные циклы, чтобы объявлять
собственные решения волей небес.

— Там уже есть жрецы?

Есть те, кто говорит за богов громче, чем слушает их.

— Я должен разоблачить их?

Ты снова спрашиваешь, что должен сделать.

— Потому что не знаю.

Не знать — часть твоего воплощения.

— Это неудобно.

Поэтому Мерит тебе полезна.

Натхор едва заметно улыбнулся.

— Она связана с тобой?

Каждая душа связана со многими путями. Не превращай
человека в функцию своей миссии.

Слова заставили его замолчать.

Он иногда уже смотрел на Мерит как на необходимую
часть собственного пути.

Целительницу.

Совесь.

Человека, способного спорить с ним.

Но у неё была собственная жизнь.

Собственные желания.

Собственный путь, который мог однажды увести её в дру-

гую сторону.

— Она пойдёт со мной?

Спроси её.

— А люди?

Спроси их.

— Но если они решат остаться?

Тогда останутся.

— Даже если я вижу, что у реки для них больше возможностей?

Возможность не является приказом.

— А если здесь их ждёт смерть?

Тогда расскажи, что видишь. Не скрывай цену. Но не превращай страх в повод лишить их выбора.

Образ Хатхор начал растворяться.

— Подожди.

Время не останавливается оттого, что человек не закончил вопросы.

— Я ещё увижу тебя?

Когда сможешь услышать вопрос, не превращая его в ответ.

— Хатхор!

Женщина исчезла.

На воде остался только свет Сириуса.

Натхор открыл глаза.

Он стоял на холме.

Рядом была Мерит.

— Ты снова ушёл, — сказала она.

— Куда?

— Не знаю. Но лицо у тебя стало таким, словно ты спорил с кем-то, кто ещё упрямее тебя.

— Возможно.

— Она назвала своё имя?

Натхор посмотрел на неё.

— Откуда ты знаешь, что это была женщина?

— Ты произнёс имя вслух.

— Какое?

— Хатхор.

Слово прозвучало в земном воздухе иначе.

Грубее.

Но сохранило мелодию.

— Она сказала, что здесь её будут называть так.

— Значит, богиня?

— Она не ответила прямо.

— Умная женщина.

— Она не человек.

— Это не мешает быть женщиной.

Натхор сел на камень.

— Пластина ведёт к Великой реке. Там есть другой узел.

— И что ты собираешься делать?

— Идти.

— Когда?

— Когда люди решат.

Мерит посмотрела на него с подозрением.

— Ты действительно собираешься позволить им остаться?

— Да.

— Даже если большинство откажется идти?

— Да.

— И сам уйдёшь?

— Возможно.

— Один?

— Если придётся.

Она долго молчала.

— Ты уже решил за себя.

— Да.

— Тогда почему ждёшь решения остальных?

— Потому что мой путь не обязан становиться их путём.

Мерит посмотрела вниз.

У костров снова спорили.

Голос Хену был слышен даже на холме. Он требовал сохранить возможность лечебного использования поля.

Саирет кричала, что любой режим сети однажды станет орудием власти.

Тиа пыталась записывать обе стороны.

— Они не готовы к новому пути, — сказала Мерит.

— Никто не бывает готов.

— Тогда зачем вести их к реке?

— Я не поведу.

— А что сделаешь?

— Расскажу, что видел.

— И они пойдут за тобой.

— Некоторые.

— Потому что доверяют.

— Да.

— Значит, ты всё равно влияешь.

— Да.

Мерит улыбнулась.

— Наконец-то перестал спорить с очевидным.

На востоке светлело.

Сириус медленно исчезал в рассветном небе.

Внизу золотая точка внутри западного узла продолжала гореть.

Не как приказ.

Как вопрос, оставленный в земле.

Чёрная пластина находилась у трёх хранителей.

Впервые с момента находки Натхор не чувствовал её на груди.

Ему казалось, что вместе с ней он отдал часть уверенности.

Но, возможно, именно это и требовалось.

К рассвету люди собрались возле поля.

Натхор рассказал им о Великой реке.

Не о неизбежном будущем.

О возможности.

Он говорил о зелёных берегах, каналах и земле, которую вода будет обновлять каждый год.

Рассказал о другом узле.

О людях, живущих на востоке.

О женщине, имя которой слышал среди звёзд.

Не назвал её повеление волей богов.

Не сказал, что все обязаны идти.

— Я отправлюсь к реке, — закончил Натхор. — Не сегодня. Сначала подготавливаю путь и дожусь, пока больные смогут решить сами. Тот, кто захочет идти, пойдёт. Тот, кто останется, сохранит источник, поле и хранилище.

— Ты разделишь общину, — сказал Хену.

— Она не принадлежит мне, чтобы я мог её разделить.

— Люди пойдут за тобой, потому что верят твоим видениям.

— Поэтому я рассказываю и о риске. Мы не знаем, сколько дней займёт путь. Не знаем, сохранились ли переправы. Не знаем, кто живёт у реки. Здесь уже есть вода, семена и убежище.

— Тогда разумнее остаться, — сказал Хену.

— Возможно.

— Но сам ты уходишь.

— Да.

— Значит, считаешь свой путь правильнее.

— Для себя — да.

По толпе прошёл ропот.

Саирет поднялась.

— Я останусь.

Натхор кивнул.

— Западные хранилища ещё не изучены. Поле нужно охранять. Эти люди доверяют мне больше, чем тебе.

— Я понимаю.

Она ожидала спора.

Не получила его.

— Но часть наших может захотеть идти, — добавила Саирет.

— Они решат сами.

Хену посмотрел на поле.

— Я тоже останусь.

Это удивило многих.

— Почему? — спросил Сабеф.

— Потому что здесь уже есть порядок, который необходимо удержать.

Кау рассмеялся.

— Ты наконец получил собственное поселение.

Хену не разозлился.

— Возможно. Но теперь мои решения будут записывать, обсуждать и отменять. Посмотрим, способен ли ваш новый порядок пережить отсутствие Натхора.

Натхор посмотрел на него.

— Ты хочешь доказать, что без сильной власти всё разрушится.

— Да.

— А если не разрушится?

Хену задумался.

— Тогда придётся признать, что я ошибался.

— Готов?

— Нет.

— Хорошее начало.

Мерит подошла к Натхору.

— Я пойду к реке.

— Почему?

— Потому что там есть люди.

— Здесь тоже.

— Здесь уже знают, что воду нужно кипятить.

— Это единственная причина?

— Нет.

— Какая ещё?

Она посмотрела на него.

— Хочу увидеть женщину, которая сумела заставить тебя признать, что ты чего-то не знаешь.

— Я и раньше признавал.

— Но не так убедительно.

Тиа объявила, что останется до тех пор, пока не обучит ещё двух человек системе знаков.

Сабеф решил идти.

Кау не определился.

Неби сказал, что примет решение, когда сможет пройти

от источника до поля без головокружения.

Иара хотела отправиться немедленно, но Саирет напомнила, что желание покинуть место не всегда означает готовность к дороге.

Люди спорили.

Меняли решения.

Объединялись в семьи.

Снова разделялись.

Натхор слушал их голоса.

Не единый хор.

Множество несовершенных человеческих голосов.

Над чёрной землёй поднималось солнце.

Золотая точка в древнем узле погасла до следующего обращения.

Но вопрос, который он передал людям, остался:

Чего ты боишься?

Чего ты хочешь?

Какую цену готов принять?

Натхор посмотрел на восток.

Там, за освобождавшейся от воды равниной, текла Великая река.

Там начинался следующий выбор.

И впервые звезда не указывала ему готовый путь.

Она только освещала направление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.